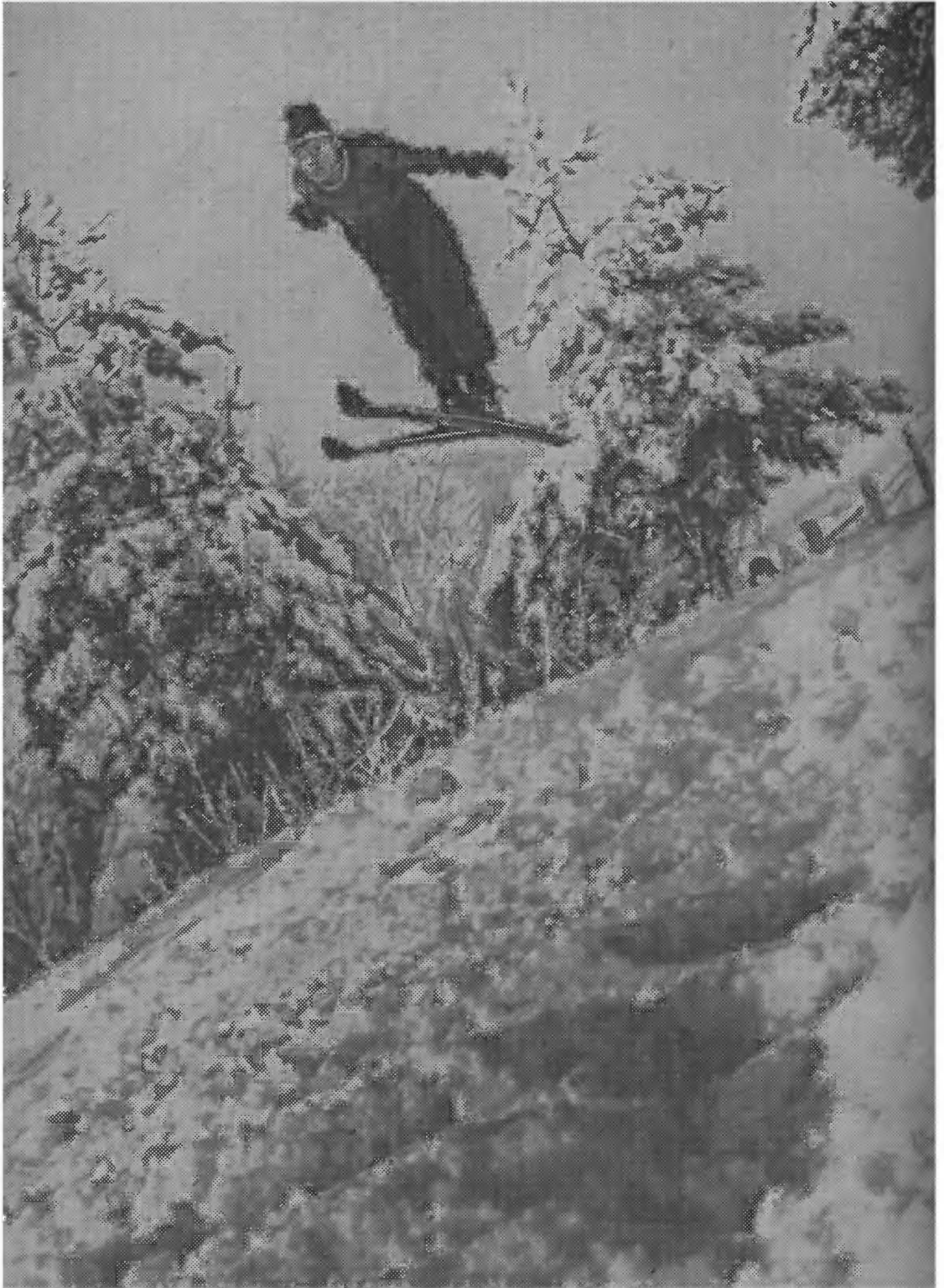

Искорка

С трамплина...

Фотоэтиюд В. Галактионова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания IX

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

№ 12

Декабрь 1965 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

В. Фетисов

Зима пришла

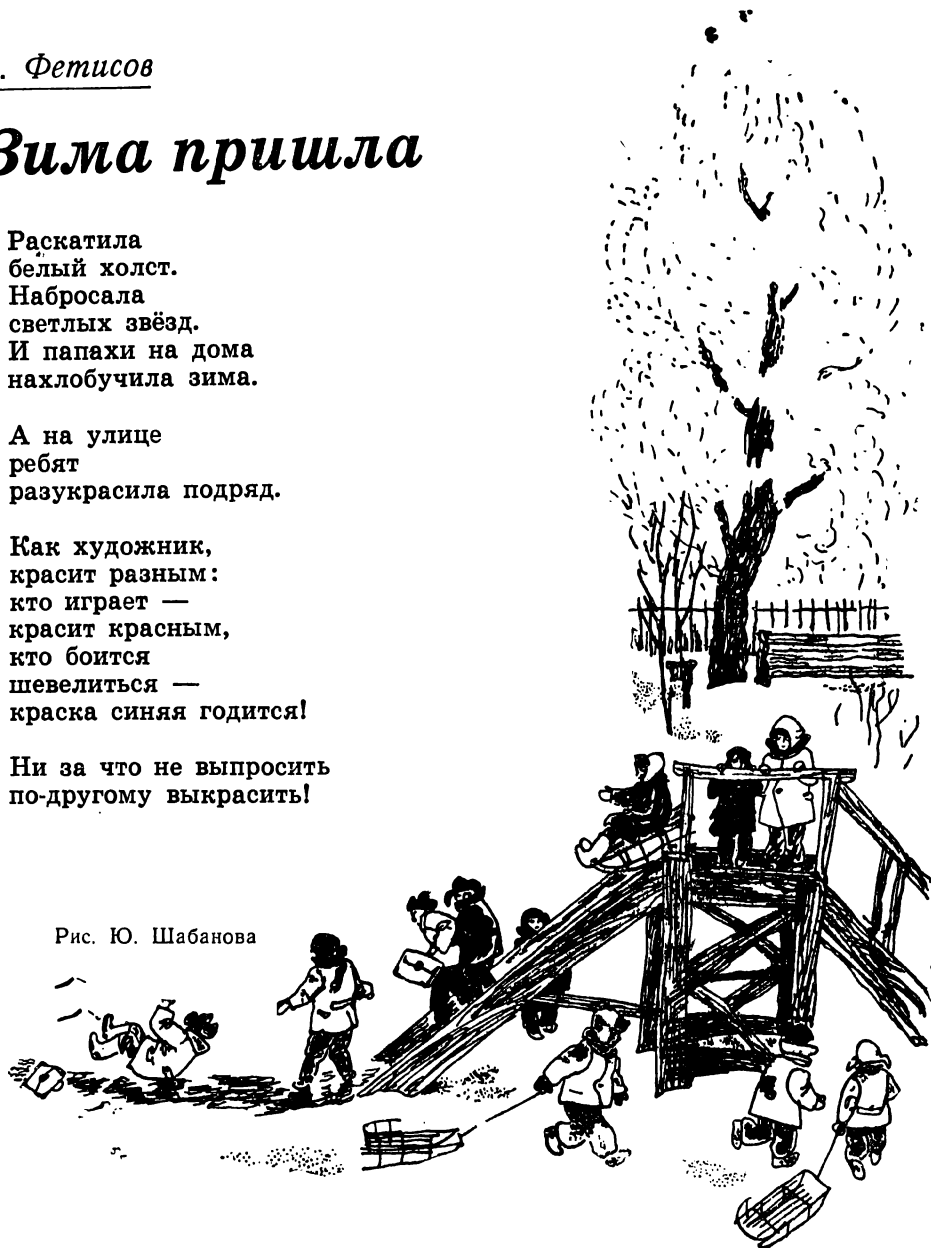
Раскатила
белый холст.
Набросала
светлых звёзд.
И папахи на дома
нахлобучила зима.

А на улице
ребят
разукрасила подряд.

Как художник,
красит разным:
кто играет —
красит красным,
кто боится
шевелиться —
краска синяя годится!

Ни за что не выпросить
по-другому выкрасить!

Рис. Ю. Шабанова

БЫЛО это во время войны в небольшом городке Горьковской области, куда из осаждённого Ленинграда переехало военное училище.

В одном доме квартировали музвзвод и хозвзвод. Дом был бревенчатым, в косых широких щелях, забитых пылью и затянутых паутинками. Взводы поселили сюда в спешке в суматошные дни эвакуации и, не успев, конечно, подумать, расположили музыкантов внизу, а хозяйственникам отдали второй этаж.

Музвзвод состоял из мальчишек-воспитанников и нескольких сверхсрочников, бывших когда-то также воспитанниками училища.

Сверхсрочники были хорошими музыкантами, их взяли в музвзвод ещё до войны, за способности и любовь к музыке.

Теперь же такого строгого отбора не было. Набрали тех, у кого отцы на фронте, и да-

леко не все из новых воспитанников обладали даже самым необходимым — музыкальным слухом.

И если теперь оркестр без ошибок исполнял на разводе «Строевой марш», то была в этом заслуга Пал Палыча — старшины музвзвода — это он бесчисленным количеством репетиций и сыгровок добился-таки согласованного звучания оркестра.

Почти все обитатели второго этажа годились воспитанникам в дедушки. Народ нестроевой — у каждого своя хворь, — они справляли хозяйственные работы по училищу. Трудились на кухне, ездили на лошадях, ремонтировали обувь, заготавливали дрова.

Работали они помногу, зачастую ночью, и потом, лёжа на железных двухэтажных койках, тщетно пытались уснуть под бодрые звуки «Колонного марша» и кощунст-

венно ругались под нежный вальс «Осенний сон».

Но больше всего им досаждало, когда воспитанники занимались индивидуальными репетициями.

— Бум! — раздавался снизу слоновый удар баса. — Бамм!!

— Та-та, — тоненько заколачивали гвоздики альты. — Та-та, та-та!

— Ру-у-ру, — широко разливаясь, заставляли дребезжать стёкла баритон и тенор.

Выручало хозяйственников... мытьё полов. Мальчишки-музыканты исподтишка курили, считая себя настоящими солдатами. Пал Палыч, ярый враг курильщиков, застигнув их на месте преступления, тотчас отменял заня-

тия, и начиналось мытьё полов. Старички-хозяйственники с явной выгодой для себя помогали Пал Палычу выслеживать курильщиков. Во-первых, на время мытья наступала тишина, а во-вторых, когда проштрафившихся было много, Пал Палыч посылал их наверх, драить полы хоззвода.

— Внучок, — кричали хозяйственники, блаженно лёжа на кроватях. — Внучок, ты уж под койку залезь, подрай и там! И сундучок отодвинь, любезный, под ним пыли набилось! Вот так, милай! Может, тебе покурить свернуть, а?

— Ну, подождите! — скрипел зубами воспитанник. — Подождите...

Кончив мыть, он бежал вниз, хватал инструмент, и целый час разъярённая труба ржала, мяукала, лаяла, долбила потолок одиночными выстрелами, распарывала пулемётной дробью.

Туго приходилось хозвзводу.

— Чтоб у вас трубы распаялись, — ворчал старшина хозвзвода. — Дудары проклятые! Дудят, дудят, одно и то же. День дудят, ночь дудят... Да за это время я бы любую кобылу танго играть научил!

Пал Палыч вздыхал.

— Раньше были мальчишки, — мечтательно вспоминал он, — пять репетиций, и любая вещь готова! А теперь — глухие, совсем глухие... Эх!

— А нельзя вам на улице дудеть, а? — спросил хозяйственник. — Я бы и заборчик соорудил, вроде загона. Давай?

Так и сделали.

Первое время забор густо облепляли местные пацаны. Они галдели и мешали заниматься, но разучивание одной и той же вещи — нудная штука, и постепенно все мальчишки отклеились от забора. Хотя нет, не все. Один появлялся ежедневно. Звали его Митя.

МИТИНА мама работала в столовой. Столовая находилась на базаре, и раньше, перед войной, была весёлым и шумным местом. Теперь же в столовой наестся было нельзя, можно было только

выпить чаю без хлеба. Иногда продавали суп-болтушку и картофельное пюре без масла.

Базар почти пустовал теперь, и Митина мама рано приходила домой. Дома она заваривала всё тот же чай, ставила перед собой блюдечко с клюквой и молча пила и курила, курила и пила. В одной руке стакан с чаем, в другой самокрукта.

Частенько она оставалась без курева и поэтому повсюду прятала от себя щепотки махорки, закидывала на печку и на шкаф «чинарики», а в чёрные дни принималась разыскивать их. Цена махорки была страшная: тридцать пять рублей спичечный коробок.

Почти весь хлеб мама отдавала Мите, и если удавалось достать картошку или ещё что-либо из еды, мама тоже отдавала Мите.

— Ешь, милый сын, — ласково и протяжно говорила она. — Ешь всё. Мне бы чай да табак, я и сыта буду.

Митя с ребятами бегал на станцию. Смотрел, как проходят мимо бесконечные составы с пушками, носил военным клюкву и никогда не брал у них ничего. А раненые совали соблазнительные вещи: сахар, сухари, а иногда и шоколад.

Однажды, когда у мамы два дня не было махорки и она прокашляла всю ночь, так хотела курить, Митя спросил у раненого папироску.

— Не рано ли дым глотать научился? — упрекнул раненый, но дал целую пачку «Звёздочки».

С тех пор Митя иногда вырuchал маму.

Городок был мал, по утрам будили его редкие петушинные голоса (у кого-то ещё оставались куры), не было в городке ни завода, ни фабрики, только паровозное депо.

Новостей в городе неоткуда было ждать. А если что и случалось, мальчишки узнавали об этом первыми. Словно им кто-то по личному телефону сообщал.

Вот и домчалось до них, что за военным училищем, прямо в поле, каждый день играет оркестр.

МИТЯ лишился покоя. Медные громкие трубы звучали теперь в его ушах не смолкая. Гремели даже, когда он спал. Он просыпался теперь куда раньше мамы. Находил на кухне кусок хлеба и бежал из дому.

— А чай, милый сын? Куды без чаю-то?! — кричала вдогонку мама.

А он, юркнув за угол, сбегал по деревянным мосткам вниз к железнодорожному переезду, пролезал под вагонами и, всё бегом-бегом, поднимался вверх на гору и минут через двадцать уже сидел на заборе, карауля музыкантов.

Музыканты приходили хмурые, заспанные. Недовольно расставляли металлические блестящие треноги, на которых были подставки для

нот, и принимались продувать трубы. Были музыканты нисколько не старше Мити. Первое время он с завистью рассматривал маленькие погончики на тёмно-зелёных кителях и кожаные сапоги с толстой подметкой. Но вскоре его внимание целиком поглощали трубы.

— Не больно интересно, — заявили Митины дружки. — Гудят одно. Ту-ту да ру-ру. Ни одной песни не могут! Нечего здесь делать.

Митины дружки сыскали себе дела поинтереснее, а он никуда не хотел уходить. Что-то привлекало сюда. Он и сам не знал, что.

Он уже узнавал музыкантов в лицо. У белолицего толстогобубого парнишки не получались три ноты. Две густые громкие и одна тоненькая звонкая. Когда он играл медленно, получалось, но стоило толстогобубому поспешить, как он сбивался. И коротконогий сердитый старшина заставлял его повторять снова и снова.

— До-о-о бери, до-о, — пел старшина. — Неужели не слышишь, до-о!

Остановившись у другого музыканта, он брал его трубу и показывал, как берут «соль». Но стоило старшине отойти, как музыкант, флегматичный, с облупившимся носом дылда, снова фальшивил.

— Ох, — нервничал старшина, хватаясь за сердце, — медведь на ухо наступил!

А дылда знай фальшивил. Митя слышал, что он иг-

рает неправильно, и однажды крикнул с забора:

— Не так дудишь, тоньше надо. — И он пропел: — Со-оль.

— Не тоньше, а выше, — скривил губы дылда. — Тоже мне Моцарт!

Старшина подошёл к забору:

— Как надо?

— Со-оль, — пропел Митя.

— Ага, — сказал старшина, — понятно.

— Я ещё могу, пожалуйста, — Митя снова запел: — Со-оль.

— Достаточно. Ну-ка, скажи мне, где ты живёшь?

— На рынке.

— Это за железной дорогой? Ишь откуда бегаешь. Интересно разве?

— Интересно.

— А чем?

— Не знаю.

— Что ж, сиди, — почему-то вздохнув, сказал старшина.

Раз старшина пришёл с трубой в руках и привёл незнакомых Мите музыкантов. Эти были постарше. Они разошлись по разным углам и начали играть гаммы; Митя уже знал, что это гаммы. Без них не начиналась ни одна репетиция. Только эти музыканты играли гаммы быстро-быстро и забирались так высоко, что у Мити перехватывало дыхание.

— Начнём сыгровку. — Старшина прижал мундштук к губам, махнул головой, и раздался много раз слышанный Митей по радио марш. Все звуки слились в этот марш: сильный голос старшинской трубы и те три ноты, которые каждый день долбил толстогубый. Всё вместе получалось красиво, чётко.

Раньше Мите казалось, что в оркестре так много труб для громкости, но сейчас он понял, что у каждой трубы своё назначение и что марш получается только когда играют вместе.

Сам того не желая, Митя стал подпевать, сперва тихо, потом всё громче. В тот момент, когда он запел во весь голос, старшина снова махнул головой, оркестр враз смолк, а увлечённый Митя продолжал:

Нам разум дал стальные
руки-крылья,
А вместо сердца —
пламенный мотор!

Музыканты дружно рас-
смеялись.

— Ну и слух, — сказал
кто-то.

— Да, — подтвердил стар-
шина, — слух что надо! Пре-
красный слух, — повторил он.

«Конечно, не глухой, — ду-
мал потом Митя, лёжа в по-
стели, — всё слышу. Даже
как мыши пищат в подполье
слышу!»

— Эй, ДУДАРЬ, — сказал
старшина хоззвода
Пал Палычу, — присмотрел
бы за своим толстогубым! Ку-
рит шельмец.

— Не может быть, — ах-
нул музыкант. — Давно ли
полы мыл! Снова за старое!

Сообщение хозяйственника
подтвердилось. Воспитанник
курил на лужайке, когда ни-
кого не было. Пал Палыч ото-
брал у него окурки и тут же
отправил мыть полы. Маль-
чишка, плаксиво дёргая тол-
стыми губами, пытался раз-
жалобить старшину, но тот
добавил ему ещё наряд:

— И чтоб в последний раз
у меня. Иначе вылетишь из
училища!

Толстогубый убежал, за-
быв свой альт.

Пал Палыч взял инстру-
мент и хотел было уйти, но
тут из-за ограды вынырнула
белобрысая голова.

— Снова ты здесь? — спро-
сил старшина.

— Ага. Дайте подудеть... —
Митя затаил дыхание.

— Для чего, — пожал пле-
чами Пал Палыч, — бало-
ваться?

Митя заметил в его руке
окурки.

— Дяденька старшина,
смотрите, что у меня, — он
перелез через забор и пока-
зал толстые папиросы. —
Бросьте «чинарик». Это же
«Казбек»! Настоящий!

Пал Палыч сердито выхва-
тил папиросы. Но Митя не за-
метил гнева.

— Один разок можно ду-
нуть? — попросил он, улы-
баясь.

— Ладно уж, — согласился
старшина.

Вдавлив губы в холодный
жёлтый мундштук, Митя на-

прягся и дунул что есть силы. Но из раструба вылетело слабое шипение.

— Не надрывайся, — остановил старшина. — Подожди губы и языком вытолкни воздух.

На этот раз получился какой-то звук.

— Вот видишь. А ну ещё.

Звук повторился. На радостях Митя застучал по клапанам трубы, как по гармошке.

— Оставь клапаны в покое! Ну-ка, помнишь «до»?

— Ага.

— Попробуй взять его. Губы ещё подожди, и языком потвёрже, ну.

Митя попробовал.

— Ещё подожди губы. Так! Та-ак!

Звук срывался и дрожал, но Митя и сам слышал, что получилось правильно.

— Не могу больше, — сказал он. — Губу больно.

— Больно? Это с непривычки. Потерпи. Нажми-ка этот клапан и вот этот. Так. Дай «ре». Слушай. — Он пропел: — Ре-е.

Митя подул.

— Хорошо. Губы подтяни. Ну, ещё раз. О, вот это правильно!

— Ой, и просто! — вырвалось у Мити.

Старшина покачал головой:

— Просто? Как бы не так? Это тебе просто, а им... — Он не договорил. — Хватит баловаться. Беги домой.

Старшина хотел ещё что-то сказать, но махнул рукой и, взяв у Мити альт, повернулся уходить. Митя забежал вперёд.

— Дяденька старшина, а у вас маленьких принимают? — спросил он с робкой надеждой. Вдруг пришла ему в голову безумно смелая мысль, что и он мог бы носить такую же форму с маленькими погончиками, а главное — играть на этом удивительном инструменте, который так волшебным-легко подчиняется ему.

— Принимали! — откликнулся старшина. — Напринимали! Теперь полный штат. — Он погладил Митю по светлой голове. — Так что бегай, играй себе в бабки!

Он снова стал уходить, но Митя снова преградил ему путь. У него оставалась ещё одна папироса. Эту он приобрёл для мамы.

— Вот, возьмите ещё, —

вздыхнув, протянул он папиросу.

Старшина, нахмурившись, взял. Потом, подумав, сказал:

— Завтра приди. Попробую поговорить.

Он ушёл. Митя перебрался через забор и со всех ног пустился на станцию. «Нужно достать папирос. Нужно достать... Ишь, за две «Казбечины» поиграть дал, а ещё за одну обещал поговорить с начальством!» — думал он.

Но ему не повезло.

Приударил дождь, и раненых не выпускали из эшелонов. Они махали ему из-за закрытых окон, что-то показывали на пальцах, но ничего было не понять. Митя, дрожа от холода, бегал от вагона к вагону, и всё зря, только промок до нитки.

Лишь у паровоза он увидел курящего. Это был смазчик. Поставив к ногам огромную маслёнку, всю в желтоватых потёках, смазчик что-то кричал высунувшемуся из окна паровоза машинисту. Машинист тоже курил. Митя подождал, пока смазчик отойдёт от паровоза.

— Дяденька, — попробовал он заговорить, — а из чего паровоз? Из чугуна или из железа?

— Из дыма, — небрежно бросил тот. — Шпарь отсюда! Дуй, говорят!

«Может, у мамы есть?» — думал Митя, направляясь домой.

Но мама ещё не пришла. Он поискал еду. Нашёл на сковородке немного каши.

Можно разжечь примус и разогреть кашу, но это слишком долго. Он съел её так, — холодные скользкие крупины без масла. И, чтобы согреться, нырнул под одеяло. У него было радио — чёрный эбонитовый наушник; отец перед самой войной провёл к его кровати. Митя любил слушать музыку, и отец сделал ему подарок. От отца не было ни одной весточки. Как ушёл на фронт, так и всё. Митя терпеливо ждал, а мама стала курить. Нельзя ей курить — слабые лёгкие, но она курит и курит. И почти ничего не ест. Если бы пришло хоть одно письмо от отца!

Он взял наушник. Играла музыка. Теперь почти всё время играла музыка. Передадут сообщение о фронте, и снова музыка. Закрывшись с головой, чтобы было теплее, Митя слушал музыку. Была она тихой и какой-то доброй. Словно кто-то говорил Мите: «Не бойся, всё будет хорошо. Мама выздоровеет, придёт с фронта отец, а ты будешь играть в настоящем оркестре. Ты ведь хочешь играть, верно?»

Митя понимал, что никто ему этого не говорит, что это его собственные мысли, но музыка успокаивала его ласково-ласково, и верилось, что всё так и будет.

«Только бы у мамы нашлась махорка. Хоть бы одна горсточка, — неотступно думал он, — тогда бы всё в порядке. Меня бы приняли в настоящие музыканты!»

Он проснулся оттого, что кашляла мама, и сразу понял, что у неё нет махорки. Она всегда так кашляла, когда нечего было курить.

— Ох, — задыхалась мама, — Митя-а, кха-кха, милый сын, нет ли у тебя чего? Слышишь, проснись! Кха-кха.

— Я не сплю, — печально отозвался он. — Ничего у меня нет.

— Ох, беда, милый сын, беда... — задыхалась она. — Лёг... кха-кха... лёгкие плохие, от дыму морщатся, а без дыму жизни нет... — через силу говорила она. — О-о, ровно сверлит грудь что-то. Одну бы затяжку!

— Нельзя тебе курить, — буркнул он из-под одеяла.

— Нельзя, — задыхаясь, прерывисто прошептала она. — Да что сделаешь! Горю, милый сын.

«И я горю, — закусив губу, чтобы не разреветься, думал Митя. — Одну бы горсточку махорки достать для старшины! Всё, всё пропало. Нечего и ходить туда завтра. Не пойду».

Он не выдержал и заплакал под одеялом.

— Митя! — снова позвала мать. — Пошарь ещё, милый сын. На печи, в коробочках, на шкафу. Одну бы затяжку, а...

И тут Митя вспомнил. Давно, месяц назад, он принёс со станции горсть махорки. Хотел отдать маме, но она была в тот день с табаком, и он решил спрятать добычу до худ-

ших времён. Он спрятал её в старый валенок, и, конечно, она там, потому что мама никогда не догадается искать махорку в валенке.

«Есть, — обрадованно думал он, — пойду утром к старшине. Скорее бы утро!»

— О-о, Митенька, покурить бы, — повторяла мама, кашляя всё сильнее.

«Потерпишь, не могу я тебе отдать, — мысленно отвечал он ей. — Музыкантом буду. Настоящим».

Чтобы не слышать её, он с головой залез под одеяло и притворился спящим. Она же не спала, кашляла всю ночь, ходила по комнате, шарила повсюду.

Утром, едва проснувшись, Митя бросился к валенку.

— Где же она? — прошептал Митя, тряся валенок. — Неужели мамка нашла?! Нашла, — заметил он на столе тряпицу, в которой была махорка. Тряпица оказалась пустой.

Слёзы сами брызнули из Митиных глаз.

«Никуда не пойду, — решил он. — Буду целый день спать. И завтра и послезавтра. Пока война не кончится!»

А СТАРШИНА Пал Палыч утром направился в штаб училища. Начальник штаба и слушать ничего не хотел о новом воспитаннике.

— Нельзя, старшина, — говорил подполковник, листая какие-то бумаги и всё время отвечая на телефонные

звонки. — У нас не детский дом, а военная точка! Прощай, старшина!

— Товарищ подполковник, — молил Пал Палыч. — Такой мальчишка на улице не валяется! Такой, может, один на целый город. Талант!

— Прощай, прощай, старшина!

— Товарищ подполковник, из него большой музыкант может выйти. Кончится война, в консерваторию пойдёт. Будет всю жизнь благодарить, — не сдавался Пал Палыч.

— В консерваторию? — покачал головой начальник штаба и устало поглядел на старшину. — Дочка у меня там училась... Погибла. Способный мальчишка?

— Очень. Слух необыкновенный! — Старшина понял, что всё в порядке.

— Оформляй. С меня потом голову снимут, да уж ладно!

Довольный старшина стал ждать мальчишку. Но прошёл целый день, а тот так и не появился. Не появился он и на следующий день.

МИТЯ решил больше не ходить к училищу. Он сидел дома, слушал свой эбонитовый наушник, тосковал. Мальчишки удивлялись, почему он не бегаёт с ними на речку, мама удивлялась, почему он перестал есть.

— Не заболел ли ты, милый сын?

— Не заболел, — вяло отвечал он. И вдруг не выдер-

жал: — Зачем ты махорку из валенка скурила?!

Мать вздрогнула:

— Ты что, милый сын, кричишь? Махорку скурила... Так это ж ты мне запрятал? Я же ожила сразу, а то всю ноченьку кашляла.

— Ничего не тебе. Это музыканту махорка.

— Кому, кому?

И Митя всё рассказал.

Мать качала головой и вздыхала.

— Эка старая метла, ты подумай, — ругала она себя, — не померла бы без табаку-то, цела б осталась! Не плачь, милый сын. Что-нибудь придумаем.

Она вышла из дому и вернулась под вечер с пачкой «Звёздочки»:

— Вот, милый сын, держи. Беги уж к своим музыкантам!

УТРОМ, спрятав спасительную «Звёздочку» за

пазуху, Митя примчался к знакомому забору.

Занятия уже начались. Пал Палыч бегал от одного воспитанника к другому, сердито покрикивая. Видно было, что он не в духе.

— Ничего не получается! — кричал он сонному дылде. — Неужели ты не видишь, что это за знак?

— Ну, бекар, — громко зевал дылда. — Бека-а-ар... а-а-а...

— А ты что играешь? Проснись же наконец!

Он мчался к другому воспитаннику.

— Фа-диез, ты это понимаешь? — кричал он толстогубому. — Дай-ка инструмент, покажу, как берут фадиез! Фу, — сморщился он. — А табаком от мундштука разит! Опять курил? После занятий будешь драить полы у хозяйственников!

— Один? — плачуще спросил толстогубый.

— Пока один, а там, может, найдутся и помощники, — ответил старшина.

Тут он заметил Митю.

— Наконец-то изволил явиться! — крикнул старшина. — А ну, на место!

— Куда? — опешил Митя.

— За инструмент! Живо! Будешь играть на трубе. Пока на второй, а там на первую посажу. Скорей, скорей.

— Я нот не знаю, — сказал Митя, перелезая через забор.

— Узнаешь, — коротко ответил старшина, подавая ему трубу. — Садись здесь. Я тоже не знал. Они и сейчас не

знают, — старшина показал на мальчишек. — Ну, прижми мундштук к губам и дай звук, помнишь, как я тебя учил. Так, правильно. Ещё. Ещё. Вот пока так и занимайся.

— Ты, — шепнул Мите толстогубый, когда старшина отошёл, — не играй на трубе. Просись на альт.

— Почему? — спросил Митя.

— На трубе трудно, а на альту легко. Любому дураку понятно. У тебя покурить есть?

— Есть, да не про вашу честь, — шепнул Митя. — Не мешай заниматься.

— Подумаешь, — фыркнул толстогубый, — на трубу его посадили, уже задаётся!

— **КОНЕЦ** занятий, — объявил старшина. — Приготовиться на обед!

Митя положил трубу на стул и направился к забору.

— А ты куда? — удивился старшина.

— К мамке. Обедать. — Митя вскарабкался на забор.

— К мамке! — Старшина и все музыканты рассмеялись. — А ну живо в строй! Теперь забудь мамку! Слезай и становись последним. Ну!

Митя встал в строй.

— Дяденька старшина... — обратился он.

— Не дяденька, а товарищ старшина, — поправил тот. — В чём дело?

Митя вытащил из-за пазухи пачку.

— Закурите!

Музыканты так и прыснули. Старшина схватился за сердце. Он выхватил у Мити пачку, скомкал её и закричал:

— После обеда мыть полы! Ясно? Вместе с ним. — Он показал на толстогоблого. — В столовую шагом марш!

— Я буду воду носить, — шептал Мите толстогоблый, явно радуясь, что не одному

ему драить пол у хозяйственников, — а ты будешь мыть, ага?

— А зачем он папиросы-то разорвал? — так же шёпотом спросил Митя. — Я же ему принёс.

— Дурак, он же не курит, — усмехнулся толстогоблый. — Не мог мне отдать «Звёздочку». Эх, ты!

Вячеслав Кузнецов

М о р о з

*Ветви почерневших вдруг берёз
разукрасил инеем мороз.*

*Солнце и снежинок хоровод —
будто бы черёмуха цветёт!*

ЧАЙНЫЙ КЛИПЕР

РАССКАЗ

1. БРАТИШКА

Попал туда Женька случайно. Из-за Балаги и черешневой трубки. Про трубку будет дальше. А Балагу зовут Петькой, только никто его по имени не называет, зовут по фамилии — Балага.

Он давно уже приглашал с собой Женьку, но тот только усмеялся.

Женька был человек гордый. Он воспитывал в себе мужество и суровость, ему это очень было нужно. Для будущей жизни.

— Чем же вы там занимаетесь? Вяжете? Или, может, вышиваете, как моя тётка? — ехидно спрашивал он Балагу. — Она целыми днями вышивает.

Балага от возмущения наливался тугим румянцем и начинал громко заикаться:

— Т-ты ведь не зна-а-ешь, а говоришь! М-мы там к-корабли строим, понимаешь? Разные, к-какие захотим. А ты г-говоришь — вышиваем! А сам не знаешь!

— Заладил: «понимаешь», «не знаешь». Я тоже могу из газеты кораблики складывать.

— Мы из д-д-дерева делаем! — выкрикивал Балага.

— Что ж вы, садитесь в кружок и строгаєте по очереди чурку? — не унимался Женька.

Балага внимательно смотрел на него, понимал наконец, что Женька его дразнит, и махал рукой.

БАЛАГА удивлялся Женьке. Когда во Дворце пионеров открылся судомодельный кружок, он думал, что Женька первый туда побежит.

Уж кто-кто, а Женька в пятом «а» знал о море и кораблях больше всех.

И у него была настоящая тельняшка. Женька носил её зимой и летом, сам стирал и гладил. Даже в мороз он ходил с расстёгнутым воротом, чтобы все видели его тельняшку.

Однажды Лев Григорьевич, учитель математики, назвал его в шутку «братишкой». Так во время революции звали матросов.

Слово это крепко прилепилось к Женьке, и очень ему нравилось. Тельняшку подарил Женьке дядька, бывший военный моряк. Он же заразил Женьку неистребимой любовью ко всему морскому.

От города, в котором они жили, до моря были многие сотни километров, но это ни капельки не мешало Женьке считать себя будущим моряком. Это было дело решённое.

Он перечитал все книжки о море, какие были в городской библиотеке. Звонкие, яркие морские слова тревожили Женьку, он приставал к дядьке, заставлял по десять раз рассказывать о его моряцкой службе.

И дядька делал это с удовольствием. У них была такая игра: дядька задавал всякие каверзные вопросы, а Женька должен был без запинки отвечать.

- Что такое клюз?
- Отверстие в носу судна для якорь-цепи.
- А что такое тузик?
- Одноместная шлюпка.
- А кильсон?
- Это такой брус в трюме, который проходит над килем.

— А коммингс?

Женька не знал. Он растерянно хлопал ресницами и морщил лоб.

А дядька хохотал, радостно потирая широченные тёмные ладони, и гремел на весь дом.

— Ага! Не знаешь, братишка! Давай, давай, докапывайся. Узнаешь — доложишь.

Тётя отрывалась от вышивания, качала головой и недовольно ворчала:

— Связался чёрт с младенцем. Что у старого, что у ма-

лого — одни глупости в голове.

Она не любила море. Радовалась, что оно далеко, и дядька, как все люди, каждый вечер приходит домой. Женька всегда удивлялся, как она странно менялась, когда слышала о море. Обычно добрая, тётя становилась злющей и ехидной, едва только дядька вспоминал свою службу и корабли. Обязательно вставляла такую фразочку, что дядька смущённо затихал.

КОММИНГС... коммингс... Женька начинал докапываться.

Через несколько дней, перевернув кучу книг, он узнал, что коммингс — всего-навсего высокая ступенька перед каютой. Чтобы туда в шторм не попадала вода.

А В СУДОМОДЕЛЬНЫЙ кружок Женька идти не хотел. Просто он считал, что все эти кружки-кружочки — занятие для девчонок.

2. АНДРЕИЧ

Ко дню рождения дядьки Женька решил подарить ему трубку. Решил сам сделать и подарить. Во всех книжках «морские волки» курят трубки.

Он отпилил засохшую ветку черешни и стал вырезать из неё чубук.

Нож был тупой. Он снимал тоненькую прозрачную стружку с розоватой, крепкой, как железо, древесины и всё время соскальзывал.

Через час на большом паль-

це правой руки Женька натёр здоровенный волдырь. А кончилась эта затея тем, что нож, в очередной раз соскользнув с упрямой чурки, с силой воткнулся в Женькину ногу чуть повыше колена.

Женька заорал, выдернул нож и увидел, как из дырки в брюках потекла кровь.

На крик прибежала из кухни тётя, запричитала и немного съездила Женьке по затылку. Потом стащила с него штаны, перевязала ногу и отобрала нож.

— Ах ты байбак, наказание ты мое божье, — приговаривала она. — Была бы мать жива, так хоть выпорола бы тебя. Но ты погоди, я сама до тебя доберусь. Или дядьке скажу. Он тебе задаст.

Женька усмехнулся: «дядька задаст!»! Никогда ему дядька не задаст, не такой он человек. Да и тётя тоже только притворяется, а у самой глаза смеются.

Нога-то ладно, нога не отвалится, но с трубкой надо было что-то придумать. Голыми руками, да ещё с волдырём на пальце, её не сделаешь.

И тогда Женька вспомнил о Балаге.

Балага говорил, что у них в судомодельном инструментах — завались. И тиски, и рубанки, и свёрла — всё, что надо.

КОГДА Женька вошёл с Балагой в большую светлую комнату, он оторопел: прямо на него, чуть откинув назад мачты с упругими пару-

сами, летела невиданной красоты бригантина.

Вся белая, как чайка, она неслась на Женьку, целилась ему острым полированным бушпритом в грудь.

Это было так неожиданно, что Женька резко шагнул, почти отпрыгнул в сторону и только тогда разглядел, что бригантина стоит на прозрачной плексигласовой подставке.

В комнате засмеялись, и Женька увидел трёх незнатных мальчишек и небольшого роста, почти квадратного человека с красным лицом и совершенно лысой загорелой головой.

Человек прогудел густым хриповатым басом:

— Думал, столкнёшься, а? Молодец, что посторонился. Парусникам надо уступать дорогу.

— Это бригантина? — прошептал Женька.

— Ишь ты! Знаток! Угадал. А сам кто таков будешь?

Женька сказал. Человек потёр узловатыми корявыми пальцами лысину и улыбнулся:

— Пришёл? Ну, ну! Молодец. Пётр о тебе рассказывал.

— Какой Пётр? — удивился Женька.

— Да вот этот. Дружок твой.

— Ах, Балага...

— Балага. А меня зовут Андреич. Евлампий Андреич Лигубин. Для вас, ребята, просто Андреич. А теперь говори, что ты будешь строить?

Женька растерялся, хотел

сказать про трубку, но взглянул на бригантину и раздумал. В комнате радостно пахло сухим звонким деревом. Женька потоптался на месте, оглядел верстаки, аккуратно развешенные инструменты и тихо спросил:

— А я сумею?

— Научим, — коротко ответил Андреич.

Женька умолк и задумался. Андреич и мальчишки куда-то отодвинулись и исчезли.

Остался только лёгкий, со стремительными обводами, парусник.

Он слегка покачивался на синих пологих волнах и нёсся вперёд, навстречу тяжёлому нездешнему солнцу.

У штурвала, до блеска отполированного жёсткими моряцкими руками, нёс вахту он, Женька.

Чуть расставив ноги, он стоял на выскобленной добела палубе и курил черешневую трубку.

А позади маячили плоские оранжевые острова. Почему-то совсем оранжевые, — наверно, коралловые.

Он взглянул на компас и слегка повернул штурвал, — выправил курс. Позор для моряка, если на его вахте судно начнёт рыскать.

— Так что же ты будешь строить?

Женька очнулся, посмотрел в глаза Андреичу и твёрдо сказал:

— Чайный клипер.

— Вот это да! — Андреич даже крикнул от удовольст-

вия. — Вот это да! И откуда только такие образованные салажата берутся!

3. «МОЙ СЛАДЕНЬКИЙ»

До того, как появились первые пароходы, да и много лет после этого, чайные клиперы были верхом корабельного искусства.

Узкий и длинный, как клинок, с тремя высокими мачтами и громадным количеством парусов, чайный клипер развивал неслыханную по тем временам скорость: пятнадцать узлов в час.

Из Индии в Европу возили

эти суда чай. Чай и только чай. Чтобы никакие другие запахи не смели осквернить их трюмы.

Белоснежные благоухающие клиперы бесшумно носились по океанам, и нипочём им были ни ревущие сороковые широты, ни Бискайский залив, названный кладбищем кораблей, ни грозный штормовой мыс Горн.

Потому что делали их с великой любовью и старанием люди с золотыми руками — голландские и английские корабельных дел мастера.

А водили эти суда самые

лучшие моряки всех стран мира.

Служить на них было очень почётно и трудно.

Только самые ловкие, сильные и смелые люди могли в любой шторм взлетать, как кошки, по верёвочному трапу на верхние реи, болтаться там, стоя на скользких тросах над взбесившимися волнами, и работать страшную работу — ставить и убирать тяжёлые мокрые паруса.

Уж это были настоящие моряки. Так говорил Андреич, а он знал в этом толк.

Андреич где-то раздобыл большую старинную книгу с рисунком чайного клипера. И началось! Никогда ещё в своей жизни Женька ничем так не увлекался. Он просто заболел парусником.

Сразу после школы, наскоро перекусив, он бежал в мастерскую и до глубокого вечера пилил, строгал, сверлил и шлифовал.

Каждый день. Неделя за неделей.

Андреич тоже загорелся и ревниво следил за Женькой.

Иногда он не выдерживал, сам брал инструменты и ворчал:

— Умные вы больно. Всё знаете, а руки у вас дурные. Деревянные у вас руки. Ну как ты рубанок держишь? Дерёшь против шерсти, только дерево портишь.

Рубанок у Андреича становился живым и лёгким. Он послушно снимал ровную прозрачную стружку, и брус делался как полированный.

Теперь, когда прошло столько дней, Женька стал просто профессором, — всё научился делать.

А сначала-то! Даже Балага и тот не мог удержаться — хихикал. Он бы, может, и не смеялся — приятель всё-таки, но очень уж небрежно, как-то непочтительно, взял у него Женька в первый раз рубанок, взвесил его на ладони, усмехнулся и... всадил со скрежетом в доску.

Женька так изумился, такое у него стало растерянное лицо, что Балага не выдержал — захохотал. Это Балага-то! Чистенький, аккуратный маменькин сыночек, которого Женька частенько называл белоручкой. Этот самый Балага только что на глазах у Женьки ловко и легко, будто бы без всяких усилий, строгал ту же доску.

Женька побагровел и снова упрямо взмахнул рубанком. И опять ничего не вышло. Такой послушный в Балагиных руках, инструмент втыкался в гладкую доску, словно на ней внезапно выросли корявые сучки.

Да что там рубанок! Самое уж простое, казалось бы, дело — выстрогать девять ровных круглых палочек разной толщины для мачт.

Мачты склеивались из трёх частей, суживающихся к вершине. Три мачты, каждая из трёх палочек, — всего девять.

И вот эти несчастные девять палочек Женька делал целую неделю. Он совсем с ними извёлся.

Делает, делает — кажется, ровные, как лучики. Склеит, посмотрит издали — дуга, и всё тут, хоть плачь.

Наконец Андреич сжалился, взял три самые кривые из забракованных Женькой, повертел их над горящей свечкой, подогрел, поколдовал и протянул Женьке, — мачта была ровненькой.

Такой он был — Андреич! Чего он только не знал и не умел!

Иногда он собирал вокруг себя мальчишек и рассказывал об инструментах, о краске, дереве или морских узлах.

— Вот скажи мне, Женька, какое дерево лучше всего для

нашего дела годится? — спрашивал он.

Женька и остальные ребята выжидающе глядели на него.

— Для нас первое дерево липа. Её вы и строгаете. Самое мягкое дерево и самое вязкое. Лёгкое оно, не колется и шлифуется отлично. А, скажем, на вёсла, на настоящие вёсла, какое дерево пускать? Только ясень. Пружинит он и не ломается. А вот уж, кажется, проще пареной репы: из какого дерева лучше всего сделать рукоятку для молотка или, допустим, для кувалды? Не знаете? Так я вам скажу: только из рябины. Дольше всего будет служить. Да что там толковать, — каждая вещь, каждый материал, если его с умом приспособить, может себя так обозначить, что ахнешь. Разгадать их только надо. Казалось бы, ольха — самое бросовое дерево — ни в поделку, ни строить из него нельзя, а вот если, к примеру, надо рыбу коптить или мясо, то лучше ольховых дров нет. Дым у них особый. Так-то, салажата! Учитесь, пока жив Андреич!

И мальчишки учились.

Женька ходил с исцарапанными, порезанными руками, вечно в опилках и стружках, но такой счастливый, что тётя ругала его вполголоса.

— Женечка, чертёнок ты этакий, ты только погляди на себя! Вчера только рубашку тебе выстирала. Ты что, в стружках валялся? — всплескивала она руками.

Женька усмехался:

— Уж ты скажешь, тётя!

«В стружках валялся!» Я работал! Сегодня корпус закончил.

— Ну и я работала. Полы натирала. Так что возьми щётку и приведи себя в порядок. Такую чушку в комнату не пушу.

Тетя не терпела беспорядка. Всюду у неё были разложены накрахмаленные вышитые салфеточки, скатерти, дорожки, и попробуй только кто-нибудь запачкай их или даже просто сдвинь с привычного места — тогда держись!

Дядьке вообще-то нравилась вся эта чистота.

— Морской порядочек, — говорил он.

Но иногда он жаловался Женьке, что устал от всех этих дорожек.

— Лишнее это. На корабле ни одной салфеточки не увидишь, а не хуже. Лучше даже. Просторнее.

БАЛАГИНА мать пришла однажды в мастерскую, поговорила с Андреичем, потрогала мизинцем сверло и осталась довольна. А уходя, сказала:

— Петенька, ты работай, только эти острые штуки, мой сладенький, лучше не бери. Ты крась лучше. Кисточки — они такие мягкие.

Пухлые Балагины щёки медленно залило румянцем, он с ужасом глянул на ребят и опустил голову. А Андреич отвернулся и гулко раскашлялся.

Потом, когда мать ушла и Балага взял стамеску, Женька

сделал испуганное лицо, бросился к нему и закричал:

— Положи скорее, брось её, мой сладенький! Возьми лучше кисточку.

Ребята засмеялись, но Андреич ужасно рассердился и коротко сказал:

— Прекратить. Ещё раз услышу — выгоню. Тоже мне — мастер золотые руки.

Балага ожил, а Женьке стало как-то не по себе.

Он представил на месте Балаги себя и даже головой замотал.

Потом они шли с Балагой домой и молчали. А у Петькиного дома Женька сказал:

— Знаешь, Балага... Это... Хочешь, давай вместе клипер делать станем?

Балага счастливо улыбнулся и ответил:

— Нё. Я эсминец делаю. С электромотором.

Они постояли ещё немного, поковыряли землю носками ботинок, потом Балага сказал:

— Вот видишь, я же тебе г-говорил, а ты не хотел. Андреич-то, а?

— Да-а, — сказал Женька и побежал домой.

4. «ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ СКАЗАТЬ, СКАЗАТЬ...»

— Как дела, братишка? — спросил дядька.

— Кончаю. Сегодня мачты установил. Завтра прилажу марсы, саллинги, и можно будет красить.

— Соображаешь! Значит, паруса после окраски?

— Не имеет значения. Мо-

жно и до. Палуба и рангоут полированные.

— Верно, Женечка. Верно.

Дядька каждый вечер спрашивал Женьку о клипере. Говорил он с ним серьёзно и уважительно.

Тётя поглядела насмешливо на обоих и покачала головой.

— Эх, бездельники вы, бездельники! Мне бы ваши заботы, — сказала она. — Женьке-то хоть простительно — малец, а тебе-то уж... А всё в бирюльки играешь. Что это там за сало ты хочешь прилаживать, Женька?

Дядька промолчал, а Женька ответил нарочито спокойным голосом:

— Не сало, а саллинги, тётя. Это такие площадки на мачтах. Самые высокие. Сначала идёт площадка — марс называется, потом саллинг, а выше уж только конец мачты — клотик.

Дядька снова оживился. Когда он думал или говорил о море и кораблях, лицо у него преображалось, молодедело. Он даже выше ростом становился.

Но если тётя замечала это, она тут же говорила что-нибудь насмешливое и ехидное, и дядька сникал, хмурился.

Никак Женька не мог понять тётю. Что она каждый раз взвивается, как только услышит о море?

Порой ему казалось, что тётя чуть ли не насильно привезла дядьку в этот город, спрятала, схоронила его от моря и теперь всё время боится, что

он сбежит отсюда к любимым своим кораблям.

— Дядя, а помнишь, мы читали книжку писателя Грина про моряков и разные веселые города?

— Помню, Женька, — дядька задумчиво улыбнулся.

— Там есть песенка про саллинг.

— Есть. А ты её помнишь?

— Ага. Тётя, послушай:

*Позвольте вам
Сказать, сказать,
Позвольте рассказать,
Как надо паруса вязать,
Да, паруса вязать.
Позвольте вас
На саллинг взять,
Да, вас на саллинг взять
И мокрый шкот
Вам в руки дать,
Вам мокрый шкотик дать!*

А дальше я не помню.

— Славная песня, — тихо сказал дядька.

Тётка быстро вскинула на него глаза и сказала:

— Чушь какая-то. Ни понять, ни разобрать. Как только не стыдно писать такое. Я бы...

Тр-р-рах! — дядька треснул кулаком по столу так, что стаканы зазвенели в буфете. Потом медленно встал. Он посмотрел на тётку хмурым тяжёлым взглядом, и она замолчала.

Женьке стало неловко. Он поднялся из-за стола, зачем-то подошёл к окну, подышал на замёрзшее стекло и пошёл в ванную умываться перед сном.

5. ЧТО ИЗ ЭТОГО ВСЕГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Клипер был готов. Андреич собственноручно выпилил лоб-

зиком подставку из толстых пластин плексигласа.

Женькин парусник стоял теперь рядом с бригантиной.

Мальчишки окружили оба корабля и молчали.

Бригантина, такая лёгкая и подбористая раньше, рядом с клипером казалась пузатой и неуклюжей.

Они были одинаковой длины — метровые, но клипер выглядел гораздо больше.

Несущийся на всех парусах, он казался таким хрупким и невесомым, что до него страшно было дотронуться.

— Мда-а... — протянул Андреич. — А ведь рубанка в руках держать не умел... Да ты ли это сделал, Женька?

Женька потупился, счастливый и сам немножко ошарашенный красотой сделанного им.

Балага ткнул Женьку в бок и радостно засмеялся. Будто это его хвалили.

«Славный парень Балага. И Андреич славный. И все», — растроганно подумал Женька.

А Андреич всё ходил вокруг клипера, всё разглядывал.

— У тебя, Женька, руки. Были чурки, а теперь руки. Не зря, значит, Андреич небо коптит, — сказал он и поскрёб лысину. — Ну, что глаза опустил? Небось хочется перед своими похвастать? А? Ладно, забирай. Только краску возьми, дома подмажешь. Красить ты еще не научился: на корме дерево просвечивает.

Женька торопливо схватил баночку с краской, кисти и

осторожно, не дыша, поднял клипер.

Он торопился, хотел принести парусник до прихода дядьки, чтобы тот вошёл в дом и сразу увидел клипер. Весь. Откиля до клотика.

ТЕТИ дома не было. Видно, ушла в магазин.

Женька поставил модель на буфет, на чёрную шёлковую дорожку с вышитыми пунцовыми розами, и стал красить.

Кипенно-белый крылатый клипер на блестящем чёрном шелку, — это было красиво.

Женька последний раз провёл кистью по плавно изогнутому борту и отошёл.

Он сел в уголок дивана, затаился там и стал смотреть на парусник.

Снова закачались пологие синие волны, и стали уходить вдаль, сливаться с водой по-

лыхающие светом ночные порты.

Снова у штурвала стоял Женька-братишка, «морской волк». Только на этот раз он вёл судно, выстроенное своими руками, самое красивое из всех, на котором он знал каждый парус, каждый выступ, каждый гвоздь. Они — Женька и клипер, могли положиться друг на друга.

Дядька вошёл незаметно. Только когда резко заскрипел стул, Женька оторвался от клипера и увидел его.

Дядька, как был в пальто и шапке, опустился на стул и, не замечая Женьки, глядел на парусник.

Лицо у него было растерянное и какое-то незнакомое. Он всё глядел и глядел, и что-то шептал тихонько, — Женька видел, как у него шевелятся губы.

Через несколько минут пришла тётя. Она посмотрела на дядьку и нахмурилась.

А потом произошло невероятное. Тётя стремительно бросилась к буфету и закричала:

— Что же это ты сделал?!

— Это... чайный клипер, — растерянно ответил Женька.

— Клипер? Это клипер, да?

И тут Женька увидел на чёрном шелку дорожки пятна белой краски.

Да, видно, красить он ещё не научился. Женька хотел сказать, что он нечаянно, что он выведет пятна бензином, но... не успел. Тётя резко рванула конец дорожки, и клипер с грохотом полетел на пол.

Женька обомлел. Он стоял,

прижав руки к груди, и переводил взгляд с поломанного клипера на медленно багровеющего дядьку, с дядьки на притихшую перепуганную тётю и снова на клипер.

Потом он коротко вскрикнул и выбежал. Как пойманный зверёныш, он бился о входную дверь и никак не мог отомкнуть замок.

«Зачем она так?! Ну зачем она так?!» — думал он. И вдруг вспыхнула пронзительная мысль: «Она нарочно. Никто меня не любит. Уйду. Убегу. Буду жить один... один... один...» — Женька, как слепой, толкался в запертую дверь.

Здесь его и поймал дядька. Женька отбивался, царапался, но дядька сгрёб его в охапку, взял на руки и, как маленького, стал носить по квартире.

Как сквозь туман, Женька видел плачущую, ставшую некрасивой и совсем старой, тётю, и ему почему-то вдруг стало жалко её. Никогда он не видел, чтобы она плакала.

Дядька что-то говорил, говорил, голос его был добрый и спокойный.

Клипер снова стоял на буфете, на той же злосчастной дорожке, и Женька заметил, что у него сломаны только две мачты — фок и бизань, и, кажется, больше ничего.

Женька ещё долго, уже без слёз, всхлипывая, содрогаюсь всем телом.

А потом он неожиданно уснул. Прямо на руках у дядьки.

ПРОСНУЛСЯ Женька уже поздно ночью. Он лежал на своей раскладушке тихо-тихо и слушал голоса за перегородкой.

Слов было не разобрать, только слышались всхлипывания тётки да погромохивание дядькиного голоса.

Дядька утешал тётю, и Женька подумал, что это правильно. Пусть утешает. Она не злая. Просто она любит свои дорожки и боится моря.

Потом он разобрал слово «Севастополь» и ещё два: «Женька обрадуется». Сказала это тётя. И за перегородкой замолчали. Заснули.

А Женька лежал и думал. Он вдруг вспомнил двух малышей. Первоклашек, наверное. Они строили во дворе город из песка. Большой город. С башнями, дорогами и тоннелями.

А он бежал в школу. И по дороге, походя, прошёлся по их городу. Просто так. Смеха ради. Напоследок он наподдал ногой самую высокую башню с зубцами.

Мальчишки горестно ахнули. А один из них, чёрный такой, с раскосыми глазами, встал и пошёл на него, сжав кулаки и что-то шепча злыми побелевшими губами.

Женька вспомнил, как он удивился тогда и подумал, что надо бы этому чёрному дать по шее, чтоб не забывался.

Но ему было некогда, его Балага ждал, и он побежал в школу. Не оглянулся даже.

В КОМНАТЕ было тихо и темно. Только напротив, у входа в кинотеатр, вспыхивали красные буквы.

Свет на минутку выхватывал из темноты белые паруса клипера и снова гас.

Раненый парусник тихонько стоял на буфете, — ждал осторожных, бережных Женькиных рук.

Потом мягкой тёплой волной накатился сон.

В последнюю минуту Женька увидел черного раскосого мальчишку и пробормотал:

— Не сердись. Я тебе клипер подарю.

И он уснул.

* * *

Зима стоит. А осень где же?
Снежок декабрьский

забелел.

Осин багряные одежды,
Латунь берёз я проглядел.
Я проглядел, как в дождь
и ветер,

В последний час,
в последний бой

Шагали клёны на рассвете,
Роняя листья за собой.

Я проглядел, как пламенела
Листва и чёрная вода
На звёзды с завистью

глядела

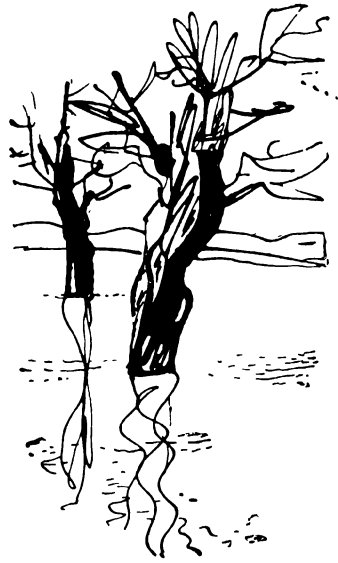
Сквозь щели старого моста.
Как на заре блеснули

стёкла

И как невидимой рукой
Ковёр, из гулкой жизни

соткан,

Лился по мокрой мостовой.

Я проглядел за пеленою
Дождя крутую вышину,
Как липа голою ладонью
Решилась стукнуть по окну,
А после — в луже по колено
Застыла, будто навсегда.
Где тишина текла степенно,
Текла, как мерная вода.
Как из-за леса голых веток
Глаза смотрели глазом

в глаз.

Я напишу ещё об этом, —
Ведь юность только

началась.

Миша ЗИВ,
10-я школа

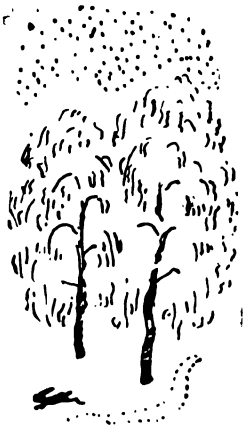

Рис. Ю. Шабанова

Удивительные рисунки

(Смотри 3-ю страницу обложки)

КОГДА мне сказали, что дети, полностью потерявшие зрение или даже не видящие от рождения, умеют рисовать, я никак не могла поверить. Как это так? Попробуй-ка нарисовать то, чего никогда не видел!

Понятно, с каким интересом поехала я в специальную школу-интернат на Охту. Большое новое здание. В вечерних сумерках светящиеся окна сливаются в сплошные голубоватые ленты. Вхожу. Тишина. Ученики сидят в классах и готовят уроки. Ничем, кажется, этот интернат не отличается от других. Только приглядевшись, как ребята занимаются, замечаешь: чуткие пальцы быстро бегают по едва заметным бугоркам букв. Книжки специальные, очень большие. Буквы в них состоят из выпуклых точек. Писать приходится прокалывая бумагу инструментом, отдалённо напоминающим шило.

Всё это мне понятно, но рисунки?!

Рисунков передо мной навалили целую гору, — за сутки не пересмотришь. И ещё рассказали, что есть большие картины и аппликации... Мы отобрали для журнала линогравюры, — они особенно хорошо выходят в печати. Посмотрите их на третьей странице обложки. Правда, здорово? Вот забавный зайчишка среди заснеженных ёлок. Деревце, трепещущее на ветру. Вот грузинка, которая зовёт кого-то ночью в горах... Это рисунки Тамары Куренковой, ученицы 8-го класса. Уже 7 лет, как она потеряла зрение. На этой же странице помещены рисунки её одноклассницы — Жени Павловой, которая не видит от рождения. А посмотрите-ка: дом, солнце, гора, а на горе коза, готовая спрыгнуть с кручи! Пейзажи с деревьями, холмами и птицами...

Авторы этих рисунков занимаются в художественном кружке интерната уже три года, со дня его основания. Первый год занимались только лепкой, затем рисунком, живописью, а в конце прошлого года стали осваивать линогравюру. Руководитель кружка Юрий Алексеевич Нашивочников очень любит своих питомцев и готов рассказывать о них бесконечно.

— Покажите же их скорее!

И вот передо мной Тамара и Женя. Обе они начали рисовать рано, ещё до школы. Для Жени, которая никогда не видела, сначала это была просто игра. Маленькой девочкой она часто пристраивалась за стол к братишке и сестрёнке, когда те рисовали. А они очень любили это занятие. Давали и Жене карандаш и бумагу. Добродушно смеялся над её неудачами, рассказывали, как всё выглядит: и дом, и забор, и дерево, и даже солнце, — разве его потрогаешь, чтобы узнать, какое? Выслушав «критику», весёлая толстушка Женя морщила задорный нос и начинала рисовать снова. Приходя из леса, старалась изобразить ягоды, которые сама собирала, грибы, листья и травы...

Тамара Куренкова на год старше Жени, и судьба её сложилась иначе. До семи лет она с удовольствием, как все дети, рисовала цветочки, домики и толстоногих неуклюжих человечков. Тяжёлая болезнь лишила её зрения, но любовь к рисованию осталась, остались и яркие зрительные воспоминания, сказочно-прекрасные... Любимые сюжеты её рисунков — сказки, и среди них чаще всего повторяется волшебница в звёздном плаще. Вторая излюбленная фигура — гимнастка. Тамара занимается в секции художественной гимнастики, и те движения, которые она выполняет на занятиях, ей чаще всего удаётся передать в своих рисунках. И вот что удивительно: те рисунки, которые Тамара делала, когда видела, куда менее выразительны, чем теперешние.

Рисовать, не видя, конечно, очень трудно. Тамара показывает клеёночку, которую она подкладывает левой стороной под рисунок, чтобы, когда ведёшь по бумаге карандашом, на ней оставался рельефный след. Он хорошо прощупывается, если перевернуть лист. Можно рисовать и специальными восковыми мелками. Они также оставляют хорошо ощутимый след. Существует целая система рисования вслепую — тифлотехника.

Может быть, найдутся люди, которые скажут, что нет смысла затрачивать столько труда на рисование, если даже не сможешь полюбоваться собственным произведением. Тамара, Женя и их товарищи по кружку убедительно доказывают обратное результатами своей работы. Ведь результаты — это не только отобранные для выставки рисунки. Главное, что у человека развивается наблюдательность и воображение. Рисуя, Тамара Куренкова старается до мельчайших подробностей вспомнить всё когда-то виденное. Ей очень важно не забыть ничего. Читая книгу, Тамара обогащает свои зрительные представления, а когда старается нарисовать то, о чём прочла, воображение разыгрывается, и прочитанное становится яснее, понятнее. Тамара сделала даже целый альбом портретов. Хотя лица плоские, без теней, Тамаре удаётся сделать их разными, даже показать характеры изображённых людей: здесь и толстая смешливая девочка с кудряшками, и хмурый старик, и турист, и весёлая балерина.

Женя Павлова, у которой зрительных воспоминаний нет, рисуя, учится представлять себе, как выглядит окружающий мир. Взять хотя бы собаку. Она ласковая, лохматая. Её можно услышать издавна. Её можно позвать: «Джек!» — и она прибежит, постукивая коготками, и утнётся в тебя мокрым носом. И всё-таки — какая она? На листках у Жени десятки вариантов собаки. И последние из них — вполне удачные. Упорная она, эта Женя. Все годы учёбы — отличница. И в её школьных успехах рисование сыграло не последнюю роль. Рисование и чтение. Они у Жени связаны неразрывно.

Женя любит поэзию. Любит стихи Есенина:

*Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.*

*Седины пасмурного дня
Плывут всклопоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.*

Чувствуя в этих стихах прелесть и красоту родной природы, Женя страстно хочет представить себе всё это, увидеть в своём воображении. На её рисунках появляется и дом, и всклопоченное небо, и гора, на которую взбежала коза...

Теперь становится понятно, какое огромное значение имеют для девочки рисунки, которых она не видит. Рисование помогает Тамаре и Жене, как и другим воспитанникам интерната, наперекор нелёгкой судьбе познать, увидеть наш прекрасный мир.

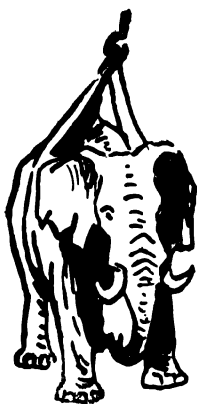
Г. СПЕРАНСКАЯ

А. Воронин

Ч а й н и к

*В никелированной броне
Стоял он тихо на огне.
Но вскоре песенку запел,
Потом сердито засопел,
Через минуту —
Стал ворчать,
А через пять минут —
Фырчать
И крышкой бешено стучать:
«Я закипел.
Прошу меня
Убрать немедленно с огня!..»*

Трелиный рейс

вершили шумные гамадрилы, любопытные марабу, полосатая зебра и прочие четвероногие и пернатые пассажиры.

Вот по причалу за своими провожатыми неторопливо проследовали два слона. Они спокойно поднялись по специально построенному трапу на борт; здесь слонов приковали за ноги прочными цепями.

Ещё несколько лет назад эти слоны были детёнышами и резвились в джунглях: один на Цейлоне, другой где-то в долине Ганга. Звероловы поймали их и продали в зоосад. Из Калькутты и Коломбо слонята совершили своё первое морское путешествие до Лондона. Здесь к ним приставили опытных учителей. У Дамбо — так назвали индийского слона — вскоре проявились музыкальные наклонности: под музыку он вставал, ложился и даже научился играть на губной гармошке. Возьмёт её хоботом, дунет и прислушивается к звукам.

Малани — цейлонская слониха — к музыке была совершенно равнодушна, зато у неё оказался довольно общительный характер и она любила людей.

Последним пассажиром был тигр — молодой, красивый хищник из бенгальских джунглей. Почувствовав, что его подняли в воздух, тигр заметался по клетке и сердито зарычал.

Но вот погрузка закончилась. Сопровождающие зверинец обошли все клетки, проверили, прочно ли они закреплены на палубе, закрыты ли засовы. Через полчаса прозвучала команда:

Вы смотрели кинофильм «Полосатый рейс»? Помните, как оказавшиеся на свободе тигры устроили переполох на судне? Их выпустили из клеток ручная обезьяна.

Подобная история произошла и на нашем теплоходе, шедшем из Лондона в Ленинград. Правда, причиной переполоха явились... пчёлы. Да, да, обыкновенные домашние пчёлы. К счастью, тоже всё кончилось благополучно.

...Во время стоянки теплохода в Лондонском порту у борта было оченьлюдно: на судно грузили животных, закупленных для зоопарков нашей страны, и лондонцы приходили поглядеть на них.

Всё шло очень чинно. Обитатели Австралии — страусы эму, поднятые краном, оглядели с высоты порт и, позавидовав свободно парящим чайкам, приземлились в своих клетках на палубу. Вслед за ними воздушное путешествие со-

— Отдать швартовы!

Над портом пронёсся гудок нашего теплохода. Но он был заглушён мощным трубным гласом. Это Дамбо и Малани прощались с Лондоном.

Рейс проходил хорошо. Погода стояла прекрасная. Море — словно бархатная скатерть. Звери чувствовали себя великолепно: ни изматывающей качки, ни пугающего шторма. По пути домой зашли в Росток, погрузили на палубу между клетками ещё несколько ящиков груза и снова вышли в открытое море.

Ясный безветренный день. Дремлют разомлевшие от зноя звери и птицы...

И вдруг на баке, там, где стояла клетка с тигром, раздаётся грозный рёв. Заклекотали испуганные птицы, залаяли гамадрилы.

Что случилось? К тигру со всех ног бросились «укротители» — так прозвали на корабле двух сотрудников зоосады, сопровождавших хищников. Но что это? Не добежав до клетки, они странно замахали руками, повернули обратно и скрылись в надстройке.

Неужели тигр выбрался на свободу?

На палубе уже стали собираться матросы. Боцман спрашивает:

— Чего взбунтовался тигр?

— Не знаем, — говорят матросы, — пусть укротители ответят. Где они?

— Видно, в каюте спрятались, — вздыхает боцман.

Ребята побежали в надстройку и через минуту притащили на мостик перепуганных укротителей.

— В чём дело? — спрашивает капитан. — Почему побежали от клетки?

— Там... там... пч-чёлы...

— Какие пчёлы?

— З-з-злые... Они

зажалят тигра... а ведь за него з-золотом з-заплачено... — лепечут испуганные укротители.

— Ну-ка, боцман, — говорит капитан, — сходите узнайте, в чём там дело.

Боцман осторожно двинулся по палубе к баку. За ним увязался дядя Вася, судовой плотник. До морской службы он жил в деревне и уж, конечно, знал, как обращаться с пчёлами.

— Наверняка это рой, — говорит старший штурман.

— Но как он попал на судно?

— Да во время стоянки в Росток. Сейчас июнь — самое время им роиться, новое гнездо создавать.

Пока старпом объяснял, как на судно попали пчёлы, боцман и дядя Вася пробрались на бак. Спрятались за ящик и осторожно выглянули: над тигром золотой метелью вились целых два роя пчёл, а тигр с рёвом носился по клетке, бил лапами по полу, скрёб свою лобастую голову и хлестал налево и направо хвостом.

Вскоре боцман и дядя Вася вернулись назад.

— Ну вот что, друзья, — говорит укротителям дядя Вася: — вы займитесь тигром, успокойте его, а я наведу порядок среди кры-

латых путешественников... Да не бойтесь — тигр в клетке, а пчёлы сейчас миролюбивые, не жалят. Зобики их переполнены мёдом, взятым перед отлётом из улья. Им теперь трудно пустить в ход свои жала.

— А почему же тигр разбушевался? — недоверчиво спрашивают укротители.

— Тигр стал давить пчёл лапами, ну его и ужалили. Ведь даже у мёртвой пчелы мускулы оторванного жала продолжают действовать, и оно само вонзается в кожу.

Укротители сбегали за мясом. Дяде Васе принесли по его просьбе два решета, полотенца, просяной веник и... ложку. Вооружившись таким образом, все тронулись на бак.

Тигр ещё больше рассвирепел: он просунул между прутьями лапу и, разодрав предохранительную металлическую сетку, начал выламывать прутья.

— Бросай ему мясо! — крикнул дядя Вася.

Один из укротителей подполз попластунски к клетке и бросил тигру кусок свежего мяса. Схватив еду, зверь затих, только нервно хлестал себя хвостом.

— Теперь мы займёмся маленькими разбойниками, запречем их в решето — пригодятся, — бормотал себе в усы дядя Вася, готовя свою нехитрую снасть.

Однако выполнить это намерение оказалось не так просто: пришлось подождать, пока пчелиные

матки нашли себе место; они облюбовали его под трапом. Пчёлы тучей устремились к надстройке. Матросов с палубы словно ветром сдуло.

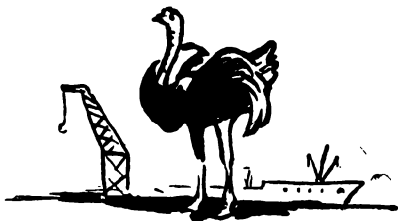
Дядя Вася подошёл к трапу. Под ним глухо гудели два живых клубка.

— Если бы мы постояли ещё денёк в Ростове, — поясняет дядя Вася, сгребая ложкой пчёл в решето, — увидели бы любопытную картину — танец разведчиц роя, или пчёл-квартирьеров. Пчёлы танцуют, чтобы показать место сбора нектара. А «квартирьеры» через танец сообщают о направлении полёта к месту, где рой может поселиться, примерное расстояние до него и даже — хорошее это место или плохое.

Собрав два полных решета пчёл, дядя Вася обвязал их полотенцами и отнёс к себе в каюту. В рейсе он ухаживал за пчёлами, подкармливал сахарным сиропом.

Через двое суток мы пришли в Ленинград. Благополучно сдали всех зверей и птиц. Свирепый полосатый пассажир уехал в Москву, Дамбо вы можете встретить в зоопарке в Минске, а Малани — в Ростове-на-Дону.

Если вам доведётся побывать в Тайцах (это под Ленинградом), там живёт дядя Вася-моряк. Он подтвердит вам правдивость этой истории и непременно угостит мёдом, собранным потомками тех пчёл, которые в море напали на тигра.

Как лягушата зайца спасли

Звери смеялись над зайцем:
— Всех, брат, не гоже бояться!
Вечно куда-то
Ты мчишься —
Собственной тени
Боишься!..

Заяц подумал:
«Звери правы!
Так не сносить мне
Своей головы.
Коль уж и правда —
Последний я трус,
Значит, пойду
И в реке утоплюсь!»

Встал и отправился заяц к реке,
К той, что за лесом
Текла вдалеке.
Шёл и пришёл.
У реки на опушке
В страхе тотчас же
Умолкли лягушки.

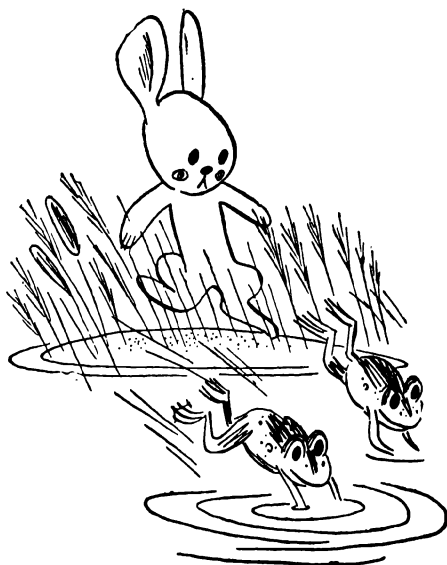
Заяц их сам
Испугался вначале,
Ну а лягушки
Чего замолчали?

Если лягушки
Зайца боятся,
Значит, лягушки
Трусливее зайца.

Заяц усталый
Лёжит на опушке,
Прыгают в воду
Топиться лягушки.
Так вам и надо,
Пустые трусишки,
Чтоб не пугались
Косого зайчишки!

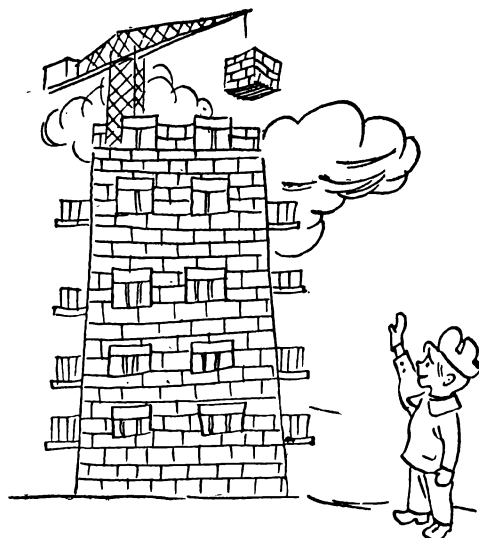
Перевод с осетинского
С. КОГАНА
Рис. Г. Ясинского

Н. Слепакова

Всё растёт быстрее меня

Всё растёт быстрее меня:
Земляника возле пня,
В огороде — огурец,
А в скворечнике — скворец.

Дремлет кошка на окне
И растёт во сне.
А за окнами — зима.
И растут
дома.

Чемпион по росту —
город!

Он обгонит,
он обгонит
И собаку, и коня,
И, тем более, — меня!

— Эй!.. — кричу ему в окошко. —
Я так скоро не могу!
Подожди меня немножко —
Подрасту и помогу!

Отвечают этажи:
— Дела хватит. Не тужи!

На дверях я ставлю метку:
Обогнал соседку Светку,
Обогнал сестру свою,
А от стройки отстаю!

Каждый день я метки эти
Проверяю у дверей.
Я расту, чтобы на свете
Всё росло ещё быстрее!

ПОВЕСТЬ

ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ СОБАКА

Ребята остановились на укромной полянке, заросшей густой травой и ромашками. Укоризненно посмотрев на Анку, Денис сказал:

— Выискала мне тоже ту-неядца.

— Здорово он мне дал, — пожаловался Гоша, держась за подбородок.

— А у меня живот болит, — сообщил Петя. — Прямо в поддыхало заехал.

— Знаете, — сказала Анка, — я придумала, как нужно искать. Если человек живёт честно, то ему прятаться не от

кого. А если нечестно, то он прячется.

— Это и дураку ясно, — хмыкнул Петя.

— Да нет! — отмахнулась Анка. — Понимаете, нужно искать там, где такой забор, за которым ничего не видно, и на заборе написано, что во дворе злая собака.

— Я такой забор видела, — заметила Оля.

— И я, — сказал Петя. — Только мне надоело. И потом у меня живот.

— Подумаешь, живот, — возмутился Гоша. — Я вон как получил и то молчу. У меня даже, кажется, один зуб треснул.

Закинув руки за голову, Петя лежал на спине и смотрел в небо. Петя придерживался иной точки зрения.

— С треснутым зубом можно что хочешь делать, — рассуждал он. — Можно даже вообще без зуба. А вот если в животе треснуло, это плохо. Зубов у человека много, а живот один.

Уговаривать Петю не стали. Его оставили на лужайке и ушли. Но Петя сразу вскочил, поддёрнул штаны и побежал догонять ребят. Одному лежать тоже не очень приятно, даже если что-то треснуло в единственном животе.

Доски у высокого серого от старости забора были впри-

тирку подогнаны одна к другой. Со ржавой железной дощечки грозило потускневшее предупреждение: «Осторожно, во дворе злая собака». На могучей калитке висело тяжёлое чугунное кольцо.

— Я ужас как собак боюсь, — призналась Анка.

— И я, — присоединилась к ней Оля.

Мальчишки о своём отношении к собакам умолчали.

Забор оказался крепким, как крепостная стена, и абсолютно непроницаемым для глаз.

— Хоть бы заглянуть, что там за дача, — сопел Петя, выискивая щель между досками. — Может, там и дачи никакой нету. Один забор, и всё.

Вдруг Денис сделал в полном смысле слова открытие. Он отодвинул одну из досок и заглянул в густой яблоневый сад. Дачи за деревьями видно не было.

— Закрой, — попросила Анка, — а то собака выскочит.

Денис задвинул доску и спросил:

— Кто самый смелый? Добровольцы есть?

— У меня живот, — напомнил Петя. — Я заранее предупредал.

Гоша ничего не сказал, но так выразительно взялся за подбитую челюсть, что всем стало ясно: с таким повреждением в пасть к злой собаке не полезешь.

— Ладно, — проговорил Денис. — Иду сам. Ждите меня на той стороне улицы.

На лице Дениса строго сжа-

лись губы. Это была проверка воли почище, чем ежедневная физзарядка и холодный душ. Там, по крайней мере, не приходилось рисковать жизнью.

Зловещий забор хлопнул доской и молча проглотил Дениса. Анка с Олей взвизгнули и побежали через дорогу. Гоша с Петей понуро последовали за ними.

— Не так страшно, если она его совсем съест, — философски изрёк Петя. — Может, меньше у него тогда идей будет. А вот если она его изуродует, это да! И чего ему сдались эти тунеядцы?

За высоким забором стояла тишина. Но вдруг ребята насторожились. Послышался звонкий лай, какая-то возня, голоса, и снова всё стихло.

— Готов, — сказал Петя. — Слопала. Кто же на тунеядца с голыми руками ходит? Хотя бы палку взял.

Оля с Анкой тесно прижались друг к дружке и перепуганно хлопали глазами. На Анкином затылке дрожал и никак не мог успокоиться хохолок.

Петя посмотрел на Анкин хохолок, поднялся и пошёл вдоль канавы.

— Чего ты? — крикнул Гоша.

— Палку ищу. Я не дурак, чтобы туда без палки идти.

— Нужно идти всем, — сказала Анка. — Всем не так страшно.

Оля уставилась на отважную Анку.

— Всем, — повторила Ан-

ка. — Так нельзя. Это нечестно.

Но дополнительных жертв не потребовалось. В исполинском заборе звякнуло кольцо, распахнулась калитка и на улице показался целый и невредимый Денис. Лицо у него было чуточку смущённое, а в руке он держал большую корзину с яблоками.

О том, что произошло в саду, Денис рассказывать отказался.

— Ничего особенного, — буркнул он. — Тунеядцев здесь тоже нет. Будем искать дальше. Забирайте яблоки. Просили корзину вернуть.

Анка закричала, что молчать — это нечестно. Но Петя на этот раз поддержал Дениса. Он приписал его молчание скромности.

— Чего привязалась? — укорял он Анку, рассовывая по карманам и за пазуху яблоки. — Если тебе так интересно, можешь сама слазить в дырку.

Однако на самом деле особой скромности в молчании Дениса не было. Было другое.

Забравшись в сад, Денис осмотрелся и разглядел за густыми деревьями дом. Нагибаясь, чтобы не сбивать головой яблоки, он осторожно двинулся в глубину сада. В облитой солнцем листве гудели шмели. Ноги утопали в сочной траве.

От тишины, которая стояла кругом, брала жуть. Так и казалось, что сейчас на спину молча бросится огромный лохматый пёс и вцепится клыками

в шею. Умные собаки всегда бросаются на человека без лая. Об этом папа Денису не один раз рассказывал.

И вдруг, вопреки папиным утверждениям, раздался собачий лай. Как получилось, что Денис оказался на дереве, он и сам не помнит. Сверху лай показался не таким страшным. Где-то рядом невидимый пёс заливался звонким тоненьким голоском.

Наконец в густой траве Денис разглядел своего врага. Он был величиной с кошку — Маленький чёрный пёсик с

гладкой шёрсткой и тонкими ножками. Пёс сидел под деревом и, подняв смешную мордочку, победно гавкал.

— Томми! Иди сюда, Томми, — раздалось невдалеке.

Под деревом появилась сгорбленная старушка с тёплым платком на плечах. Она посмотрела вверх и сказала:

— Мальчик, почему ты забрался на дерево? Это ведь зимний сорт. Они ещё не созрели.

— Вы не подумайте, что я к вам за яблоками, — пробормотал Денис, спрыгивая в траву.

— Я и не думаю, — согласилась старушка. — Мальчики лазят на яблони только затем, чтобы изучать движение звёзд или смотреть, не запустили ли очередной космический корабль.

Она положила Денису на плечо руку и повела его к дому. Томми семенил рядом, пробираясь сквозь высокую траву, как через тропические заросли. От усердия он свесил набок язык и поглядывал на хозяйку чёрными бусинками глаз.

— Нет, правда, — сказал Денис. — Мы приехали из города... и хотели... В общем, мы яблок совсем не хотели. Мы думали...

— Я всё знаю, — улыбнулась старушка, легко опираясь на Денисово плечо. — Я ведь тоже когда-то была такой, как ты. А теперь у меня взрослые внуки.

Усадив Дениса на скамье у

дома, она погрозила ему пальцем.

— Только не вздумай удрать! — и повернулась к собачке, у которой сразу вскочили на макушке коричневые уши. — А ты, Томми, поразвлекай нашего гостя.

Опираясь правой рукой о колено, старушка поднялась по ступеням на веранду и через несколько минут появилась с пустой корзиной.

— Вас сколько всего?

— Кого? — не понял Денис.

— Ну, которые приехали с тобой из города и совсем не хотели, а только думали.

— Мы правда ведь... — буркнул Денис.

— Сколько? — повторила старушка, и её доброе морщинистое лицо засветилось улыбкой.

— Пять.

— Очень хорошо, что пять. Видишь вон то дерево? Держи корзину и собери под ним все яблоки. Гнилые отложи в сторонку.

Она была ласковой и упрямой. Пока Денис лазил под яблоней, рассказала, что этот сад оставил ей в наследство отец. А теперь она передала сад и дом в дар поселковому Совету.

— Зачем мне одной такое богатство? Здесь теперь делают детские ясли.

Она рассказала, что за садом пятый год ухаживают школьники. Что без ухода яблони погибнут. А все её дети и внуки разъехались по стране и не до старухи им теперь.

— Остались мы с Томми одни, — вздохнула старушка. — Правда, Томми? Умница, умница, знаю. Ну, иди проводи мальчика.

Томми проводил Дениса до калитки, которая, оказывается, и не закрывалась, вильнул обрубком хвоста и побежал обратно.

Не собака, а настоящий собачий лилипут. Даже вспомнить стыдно, что этот лилипут с обрубком загнал Дениса на дерево. Таких позорных минут Денис никогда не переживал. Вот почему он упрямо не хотел рассказывать о том, что случилось в саду.

«ФУ ТЫ, НУ ТЫ, НОЖКИ ГНУТЫ»

Петя с хрустом откусил яблоко, прищурил глаз:

— Кислое, но есть можно. Я тут ещё одну калитку заметил, тоже с надписью.

— Про собаку? — спросила Оля.

— А про кого же? Про петухов на заборе не пишут.

Забор, к которому привёл Петя, сиял ядовито-зелёной краской. По заострённым верхушкам досок тянулась колючая-провода. Надпись о злой собаке была такой большой, что несомненно за забором обитал волкодав не меньше чем с телёнка.

Не разыскав в заборе ни одной лазейки, щели или дырочки от сучка, решили воспользоваться Петиним ростом. На Петины плечи посадили Гошу. Сунув нос под проволоку,

Гоша сообщал, что видит во дворе:

— Собаки не видно. Дом каменный. Веранда в цветных стёклах. Полный сарай дров. На сарае кошка.

— А у кошки хвост, — передразнил снизу Денис. — Ты про дело давай говори.

— Про какое дело? — зашипел Гоша. — На доме не написано, туineaдец здесь живёт или нет.

У Пети, конечно, сразу заболели плечи. А сведения от Гоши поступали самые отвлечённые,

— Слазь! — приказал Денис. — Я сам.

— Да? — возмутился Петя. — Может, вы ещё все вместе ко мне на шею залезете?

В это время около Гошиного уха пропела пуля. Выстрела не было, а пуля пропела. Вторая звонко щёлкнула в забор. Гоша кубарем скатился вниз. И в тот же момент из калитки выскочил мальчишка с рогаткой. Он прицелился в ребят и скомандовал:

— А ну, проваливайте!

У Гоши похолодело в животе. На дороге с воинственным видом стоял Яшка.

— Проваливайте, говорят, — повторил он, — не то такой рояль с арбузами устрою, не обрадуетесь.

— И неостроумно совсем, — храбро выступила вперёд Анка. — Даже глупо. Можешь стрелять, я не боюсь.

— Фу ты, ну ты, ножки гнуты, — удивился Яшка и опустил рогатку. — Скажите пожалуйста, графиня какая.

— А ты кто? — спросила Анка. — Князь?

С Анкой он связался зря. Это он сразу почувствовал. Он надулся и повторил:

— Проваливайте, нечего чужие сады обследовать.

— Нам твой сад и не нужен, — сказала Анка. — Мы просто одного человека ищем.

Яшка дёрнул сплюсненным носом:

— Вкручивать своим предкам будешь. Топайте и говорите спасибо, что я этому пижону зенки не вышиб.

Брезгливо скривив губы,

Яшка показал рогаткой на Гошу, отвёл руку в сторону и выпустил камень по воробьям, которые прыгали на дороге.

— Яшка Лещ бьёт без промаха, — гордо произнёс он, хотя ни в одного воробья не попал, — и со всякой шантрапой дел не имеет.

У Гоши чуточку отлегло. Кажется, Яшка решил не узнавать его. Да и о пропаже коробочки он, судя по всему, ещё не знал.

— Это кто, мы шантрапа? — удивилась Анка.

— Нет, моя тётя.

— А разговаривать вежливо ты умеешь?

— Фу ты, ну ты! — заморгал Яшка. — Чего вы хотите, графиня?

— Мы хотим, чтобы ты нам помог.

Яшка сделал смешной реверанс и поболтал рукой у земли, словно полоскал белье в речке:

— Графиня, я к вашим услугам.

— Иди сюда, князь.

Яшка сунул рогатку в карман и подошёл. Вероятно, он никогда в жизни не мыл шею, а руки его не прикасались к мылу.

— В этом доме твой отец живёт? — спросила Анка.

Яшка как будто немного удивился.

— Мой отец? — переспросил он и сразу же закончил прежним тоном: — Да, сударыня, конечно, мой папочка живёт в этом самом доме.

— Он где работает?

— Где? Как где? Он директор завода.

Услышав это, Петя присвистнул и заявил, что пора ехать домой. Ребята растерянно молчали и не без интереса разглядывали замурзанного директорского сына.

— А мы подумали, что в этом доме тунеядец живёт, — сказала Оля.

— Зачем вы проволоку-то на забор нацепили? — поинтересовался Денис.

— Проволоку? Как зачем? Чтобы кот со двора не убежал.

Зелёные Яшкины глаза светились насмешкой. Прежде чем ответить на вопрос, он переспрашивал, словно был глуховат на одно ухо.

— А тунеядцы у вас в посёлке есть? — спросила Анка.

— Тунеядцы? Что вы, графиня! — испугался Яшка. — Какие у нас тунеядцы? Хотя, впрочем, одного знаю. Даже проводить могу.

Он вёл ребят через посёлок, сворачивал в какие-то улицы и переулки, шёл пустырями и задворками. На пустырях валялся битый кирпич и росла крапива. Ребята совсем запутались и не представляли, откуда они пришли и в какой стороне станция. Наконец Яшка остановился у невзрачного дома и ткнул в него пальцем:

— Здесь.

— И настоящий тунеядец? — засомневался Денис.

— Самый что ни на есть, — заверил Яшка. — Директором бани работает.

— Ты что, по шее захо-тел? — кинулся к нему Петя.

— Фу, как невежливо, — улыбнулся Яшка. — Графиня, вы бы что-нибудь сказали ему, научили бы его разговаривать.

Но Анка разозлилась тоже.

— Ты, князь, действительно сейчас зарабатываешь, — пригрозила она.

— А что? — сказал Яшка. — Директор бани — это же первый бездельник, особенно летом.

— А зимой ты разве когда-нибудь моешься? — съехидничала Анка.

Яшка внимательно посмотрел на неё и сплюнул сквозь зубы:

— Как хотите. Других тунеядцев у нас нет. Мне на футбол пора. Приветик.

— А как же мы теперь вокзал найдём? — заволновалась Оля.

— Ножками, — пояснил Яшка и показал двумя пальцами, как нужно передвигать ногами.

Хочешь не хочешь, пришлось идти за ним. Он шёл не оглядываясь, сунув руки в карманы потрёпанных штанов и поддавал левой ногой камешки.

На просторной лужайке мальчишки гоняли мяч. Как только они увидели Яшку, со всех сторон понеслось:

— Лещ, к нам давай!

— К нам, Яшка! К нам!

Он не спеша снял коротенький пиджак и положил его на траву. Потом стал молча наблюдать за игрой, выбирая слабую команду, чтобы сразиться против сильной.

Команда, к которой присоединился Яшка, сразу броси-

лась в наступление. Яшкины атаки создавали в стане врагов панику.

— Пас! — кричал Яшка. — Куда даёшь, шляпа?! Пас!

Перехватив мяч, он ловко обводил и сшибал с ног тех, кто бросался ему наперерез. Сзади подбадривали. Смятые ряды соперников отступали к воротам.

Маленький вратарь, присев, приготовился к прыжку. Он решил до последнего отстаивать ворота, которые состояли из двух уложенных на траве кучек одежды.

прошёл к центру поля и благодарно приветствовал болельщиков гордым движением ладони.

Когда в ворота противника залетел десятый мяч, посланный Яшкиной левой, футбольный бог вернулся к своему пиджачку и подмигнул Анке:

— Последний гол я посвятил вам, графиня.

Даже Денис и тот с уважением смотрел на Яшку. Такой центральный нападающий мог составить гордость любой команды.

— Если хочешь, приезжай

Яшка не добежал до ворот. Он остановил мяч и размахнулся левой ногой. Капитан команды противника зажмурил глаза. Когда он открыл их, то увидел, как в смертельном броске вратарь поймал только воздух.

Сзади восторженно выли. Девчонки вместе с Петей махали руками. Яшка степенно

к нам, — сказал Денис. — У нас рядом со школой футбольная площадка есть.

— К вам? — спросил Яшка и стрельнул глазами на Гошу. — Куда это к вам?

Ему наперебой стали объяснять. Петя даже начертил на земле план, как их лучше найти.

— Может, загляну как-ни-

будь, — согласился Яшка и опять посмотрел на Гошу.

По дороге на станцию Яшка без умолку болтал. Но почему-то казалось, что он бахвалится специально перед Анкой. В порыве хвастовства он наговорил такого, во что не очень-то верилось: он будто бы с двадцати шагов попадает из рогатки в глаз воробью и купается в Финском заливе как только сходит лёд. Хотя у него отец «жлоб», который из-за копейки может удавиться, Яшка всё равно живёт в своё удовольствие и без денег не сидит.

— Как это? — заинтересовался Петя.

Яшка сморщил расплющенный нос:

— Интеллигенция. Вас научи всему. Жизни не знаете. В тюрьме небось ещё не сидели? А я уже два раза сидел.

Ребята совсем притихли. А Яшка рассказывал так правдиво, что не поверить ему было трудно. Денис теперь уже пожалел, что пригласил Яшку. Очень приятно связываться с таким человеком!

— Деньги делаются просто, — объяснял Яшка. — Самое главное — погромче кричать, что ты честный, и всюду выискивать жуликов. А сам увидел, что плохо лежит, в карман — и дёру. Можно ещё чужую заначку отыскать и помалкивать. Это ведь тоже почестному, потому что не украл, а нашёл.

Он вдруг замолчал и задумался. Зелёные глаза его потускнели и стали серыми. Остановившись и глядя в про-

тивоположную от Анки сторону, он проговорил:

— Дальше сами топайте, тут рядом.

Когда Яшка скрылся за углом, Денис сказал:

— Ничего себе тип.

— А в футбол он всё же здорово играет, — заметил Петя. — И вообще... рояль с арбузами.

У Гоши противно ныло в животе. Только он один до конца понял смысл Яшкиных слов.

Девчонки молчали. От знакомства со странным директорским сыном у всех остался неприятный осадок. Даже Анка и та притихла. В вагоне она сидела на краю скамьи и молчала до самого города. Только когда уже подъезжали к станции Ланской, сказала:

— Врёт он всё, ребята. Вот честное пионерское, всё до последней капельки врёт.

ЗАЧЕМ НА ПОРТФЕЛЕ ЗАМОК?

Оля с Гошей сидели под старым дубом. На полянке появился Петя, совсем как Яшка сплюнул сквозь зубы и произнёс:

— Приветик охотникам за тунеядцами! Как штаб ломают, видели?

— Какой штаб?

— Моей тёти, — сказал Петя. — Ясное дело какой.

Гоша вскочил:

— Нужно Денису сообщить. Он ведь не знает ничего.

— Понятно, не знает.

— Сбегай к нему, — попросил Гоша.

— Я ваша тётя! — удивился Петя. — Ещё один начальник на мою голову выискался. Почему это я должен бежать? Тебе нужно, ты и беги. Я даже очень доволен, что штаб ломают. Мне Денисовы идеи — вó! Скоро уже в школу, а я и не отдохнул совсем.

Денис примчался на полянку и сразу распорядился:

— Все к штабу! Петя, слетай за Анкой!

— Приветик, — насупился Петя. — Почему это именно я должен за ней лететь?

— Опять разговорчики?! — крикнул Денис. — Получил приказ — и беги. Быстро!

— Я узнал, я беги, — буркнул Петя и поплёлся к насыпи.

— Быстро, я сказал! — крикнул вслед Денис.

— Ещё и быстро, рояль с арбузами, — прошипел Петя. — Вот возьму и не пойду совсем. Лучше в чижики погоняю.

На асфальте у дома стучали по чижику десятилетние мальчишки. Чижик с небрежно оструганными концами летал плохо. Мальчишка в офицерской фуражке метил по тупому концу и не попадал. Обломок доски ударял по асфальту.

— Дай-ка, — приказал Петя.

Мальчишка в офицерской фуражке плаксиво изогнул губы, но обломок доски отдал.

Петя присел, сощурил глаз и стукнул. Ещё удар, и чижик улетел в болото, к торчавшей из кочек железобетонной плите.

— Вот так, рояль с арбуза-

ми, — удовлетворённо произнёс Петя и подтянул локтем штаны. — В чижики тоже нужно уметь играть.

Он поддал левой ногой обломок доски, сунул руки в карманы брюк и побрёл к Анке.

Анку он застал во дворе. Она сидела в тени у поленицы дров и скучала. На бельевой верёвке, протянутой от водосточной трубы к сараю, висели зимние и демисезонные пальто. От них пахло нафталином.

— Приветик, графиня, — сказал Петя. — Меня Денис за тобой прислал. Там штаб сносят.

Анка загорелась и готова была тотчас бежать в Удельнинский парк. Но бежать она не могла, потому что бабушка посадила её во дворе стеречь пальто. Но чтобы Петя уходил без неё, ей тоже не хотелось.

— Садись, — пригласила Анка.

— Зачем их тут развесили? — кивнул на пальто Петя.

— Проветривать, — сказала Анка.

Петя не знал, что пальто нужно проветривать.

— А сколько они висеть будут? — спросил он.

— Бабушка сказала: пока папа с работы не вернётся.

— Приветик, — протянул Петя. — Тогда сиди. Мне идти надо.

— Погоди, — попросила Анка. — Куда тебе торопиться? Я тебе расскажу что-нибудь.

— Чего расскажешь?

— Что-нибудь интересное.

— Ну что?

— Про ключи хочешь?
— Давай.
— Тогда посиди, я сейчас.
— Да, конечно. Я тебя знаю. Сама удерёшь, а я буду твои пальто сторожить.

— Ненормальный, — обиделась Анка. — Я разве когда-нибудь обманывала?

— Фу ты, ну ты, — пропел Петя. — Нормальная какая выискалась.

— Попугай бесхвостый, — сказала Анка.

— А ты хвостатая графиня.

— А ты подражала. Нашёл кому подражать. Этот Яшка, может, и вправду подозрительный тип.

— А я тоже сяду.
— Дурак, — удивилась Анка. — Такой длинный, и совсем дурак. Не хочешь узнать про ключи, и проваливай.

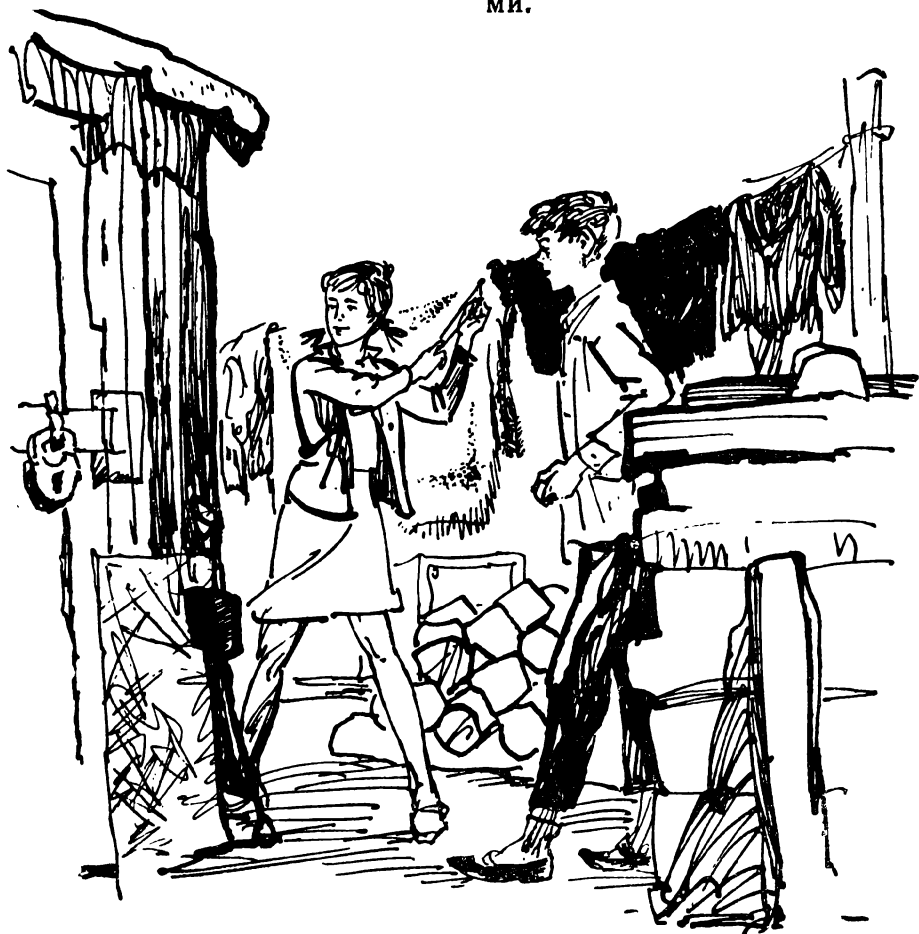
Петя хотел узнать про ключи. Он спросил:

— А ты долго?

— Три минуты.

— Ладно, — согласился Петя, присаживаясь на полено. — Три минуты жду. А потом наплюю на твои пальто и уйду. Так и знай.

Анка убежала и вскоре вернулась с двумя коробками спичек, гвоздём, бечёвкой и ключом. У ключа ручка перевивалась красивыми кольцами.

— От того самого серванта, — подмигнула Анка. — Помнишь, как ты тетю Дусю? Давай счищай серу со спичек. Вот сюда, в бумажку.

Они накрошили серы, и Анка потащила Петю в угол двора, где не было окон. Размахнувшись, она сказала:

— Смотри и учись.

Привязанные к верёвке ключ с гвоздём, стукнув о кирпичную стену, громыхнули винтовочным выстрелом. Из ключа вылетел огонь и кислотавый дымок. Анка восторженно взвизгнула и посмотрела на Петю.

— Как?

— Люкс, — определил Петя.

— Ещё?

— Дай я попробую.

— У тебя опыта нету, — сказала Анка. — Это не так просто.

Она взвизгивала три раза подряд. Три раза подряд гулкий выстрел катился по пустому двору, и в доме распахивалось всё больше окон. Жильцы выглядывали во двор. Но за дровами и сараями никого видно не было.

На четвёртый раз ключ громыхнул особенно громко, и в Анкином визге прозвучала нотка величайшего наслаждения. Но этот выстрел оказался последним. Ключ разворотило взрывом, и он не годился больше ни для стрельбы, ни, тем более, для отпираания и запираания нового бабушкиного серванта.

Осмотр ключа Анку огорчил. Бабушка имела теперь все основания насплетничать

папе. В доме давно уже не осталось ни одного ключа, а теперь ещё этот, с такой красивой витой ручкой. Он обязательно должен торчать в центре нового серванта. А если он там не будет торчать, то бабушка придёт из кухни и мгновенно заметит пропажу.

— Невезучая я, — вздохнула Анка, разглядывая изуродованный ключ. — И чего они такие хилые, эти ключи? Несколько раз стрельнёшь, и уже — пожалуйста.

Но печальная тень тут же сбежала с Анкиного лица.

— А вообще-то, — задорно сказала она, — если по-настоящему, то уже давно пора уничтожить все ключи.

Петя даже глаза вытаращил от удивления.

— А что? — распалилась она. — Это же хамство. В серванте ключ, в письменном столе ключ, в почтовом ящике ключ, даже к школьному портфелю замок приделали. А зачем? От кого мы, скажи, пожалуйста, закрываемся? Друг от друга, да? Что нам друг от друга закрывать?

Она наступала на Петю так, словно он был главным изобретателем и мастером по изготовлению замков.

— Ты что? — пятился Петя. — Шальная какая-то. Испугалась, что от бабки влетит, и на меня набросилась.

— Да? — наступала Анка. — Что ты понимаешь? Ты же отсталый совсем. Нужно издать специальный закон об отмене всех замков и ключей. Чтобы не закрывались друг от

друга. И оставить только те ключи, которыми заводят детские игрушки и стенные часы. Понял?

— Иди ты, — сказал Петя.

— Ничего ты не понял, — вздохнула Анка. — Не дорос ты ещё.

— Зато ты доросла. «Закон об отмене замков!» — передрознил он. — А сама сидит и пальто сторожит, чтобы не спёрли.

Анка оглянулась на пальто, висевшие между водосточной трубой и сараем, нахмурилась, но тут же, тряхнув хохолком на затылке, сказала:

— А что? И никто не возьмёт. Идём.

— Куда?

— К штабу.

— Сиди уж, — буркнул Петя.

— Сказано — идём, значит идём.

— Смотри, графиня, будет тебе от бабушки.

— Не твоя печаль. Их тоже нужно приучать, чтобы доверяли людям.

И, небрежно швырнув искорверканный ключ с красивой витой ручкой в мусорный бак, Анка решительно зашагала мимо сарайчиков к арке ворот.

ОСИРОТЕВШАЯ БЕРЕЗА

В Удельнинском парке на месте старой избушки, в которой размещался ребячий штаб, тархтя мотором и звякая гусеницами, ползал бульдозер. Выхлопная труба стреляла, как пулемёт, и выбрасывала вверх синие кольца дыма. Высокая берёза, что росла у

крыльца, свешивала теперь ветви к железной кабине трактора. За один день дом разломали, погрузили на самосвалы и увезли. На месте, где он стоял, осталась лишь засыпанная мусором яма.

Чумазый тракторист в дражной тельняшке, сверкая белыми зубами, дёргал за рычаги. Нож бульдозера, зацепив кучу земли со щепками и битым кирпичом, толкал её перед собой в яму.

— Пришли? — спросил Денис у Пети с Анкой. — Странно, что вы так быстро.

— Фу ты, ну ты, — сморщил нос Петя. — Опять недоволен. А я так даже рад, что его ломают. Может, поменьше у тебя идей будет.

— Помолчи лучше, — угрюмо сказал Денис.

Гоша сидел на траве рядом с Денисом. Они сидели совершенно одинаково, положив скрещенные руки на колени и опершись о руки подбородками. Втайне Гоша тоже был рад, что снесли штаб. Он жалел лишь, что его не снесли чуточку раньше, до того, как Яшка пришёл за своей коробкой. Правда, пока и так всё обошлось благополучно. Яшка приехал и сразу схватил Гошу за грудки. Но Гоша только глаза на него выкатил. «Какая коробочка? Ты что? Может, это Денис или Петя. Это они там ремонт делали». И Яшка ничего, отстал.

Вечерние сумерки опускались над опушкой леса, над разбитой, с непросыхающими лужами, дорогой, над урча-

шим работягой трактором. От трактора доносился запах горячего машинного масла.

— Быстро они, — с уважением произнесла Анка. — Конечно, такой машинищей...

— А я с этим трактористом знаком, — сказал Гоша. — Он меня на тракторе катал. Дядя Сеня его зовут. Он ударник коммунистического труда, раньше на флоте служил, а теперь заочно в институте учится.

Дядя Сеня, который раньше служил на флоте, круто развернул трактор и поддел отполированным ножом старый пень. Пень дрогнул, но не поддался. Гусеницы с лязгом бежали назад, трактор стоял на месте. Пень скрипел и чуть покачивался.

Тогда дядя Сеня подал бульдозер назад и хотел взять пень с ходу. Но пень опять выстоял: он не желал расставаться с крепко насиженным местом.

— Вот это пенёк, рояль с арбузами! — восхитился Пе-

тя. — Может, ему лет двести. Ясное дело, его просто так не выковырнешь.

— Все пни такие, — хмуро заметил Денис, — лживые и тупые.

— Ты про что это? — тихо спросил Петя.

— На воре шапка горит, вот про что, — ответил Денис, не поднимая со скрещенных рук подбородка. — Пришёл — и помалкивай.

— Почему это я должен помалкивать? Командир мне тоже!

— Хотя бы и командир.

Петя толкнул Дениса коленом:

— Ты!

— Поосторожней давай! — вскочил Денис.

— А чего?

— Ничего!

— Раскомандовался мне!

— И раскомандовался!

— Ты не разводи здесь культ личности! — заорал вдруг Петя.

— Я культ? — опешил Денис.

— Самый настоящий!

— А ну, повтори.

— Сто раз повторю.

— А ну!

— Культ и ещё раз культ.

— В зубы хочешь?

— Попробуй.

— И получишь.

В воздухе мелькнул кулак.

Кулак угодил Пете в грудь.

Петя был длинный.

— Ах так?! — завопил Петя.

Он размахнулся и промазал. Потеряв равновесие, Петя таранил Дениса всем телом. Денис полетел в траву. Петя свалился на него. Они катались по траве то в одну, то в другую сторону. Катались они так быстро, что невозможно было разобрать, чьи руки и ноги мелькают сверху, а чьи снизу.

— Как вам не стыдно, мальчишки! — возмущалась Оля.

Но мальчишки её не слышали.

— Давай, Петя, давай, — подбадривала Анка.

Гоша бегал вокруг и переживал за Дениса.

— Так ему, Денис! — кричал он. — Правильно! Будет знать наших!

Они катались долго. Сколько бы они тузили друг друга, неизвестно. Но тут вмешался дядя Сеня. Он прыгнул с трактора и растащил драчунов.

— Вы чего не поделили? — удивился он.

— Из-за штаба они, — сказала Анка.

Дядя Сеня держал Дениса за плечо, а Петю за локоть:

— Взрослые люди, а дерутся, как маленькие. Из-за какого вы штаба сцепились?

— Вон из-за какого, — махнула в сторону бульдозера Анка. — Дом вы сломали, а в нём наш штаб был.

— Вон оно как! — сказал дядя Сеня и отпустил драчунов. — Что же у вас здесь за штаб был?

Он сел, достал пачку «Беломора» и закурил. Узнав Гошу, которого недавно катал на тракторе, спросил:

— Это всё твои друзья?

— Мои, — сказал Гоша.

— И часто они дерутся?

— Первый раз сегодня.

— Из-за штаба?

— Нет, просто Петя культом обзывается.

— Кого он обозвал, Дениса?

— Ну да.

— Петя — это вон тот длинный?

— И правильно обозвал, — вмешалась Анка. — Командовать всякий может. Я тоже умею командовать, но ведь не лезу.

— Умеешь? — переспросил дядя Сеня. — Это заметно. Ну вот что: давайте-ка, братцы, по порядку, чтобы я во всём разобрался толком.

Рассказывала Анка. Гоша ей поддакивал. Денис с Петей сидели надутые и друг на друга не смотрели.

— Занятно, — приговаривал дядя Сеня и, оттопырив нижнюю губу, густо выдыхал дым. — Пионерско-государственный контроль? Неплохо. И всё Денис? С фантазией, я гляжу, ваш Денис.

Дядя Сеня уважительно качнул головой и позвал:

— Иди-ка сюда, Денис Шапранов.

— Чего вам? — буркнул Денис издали.

— Это уж, брат, невежливо, — сказал дядя Сеня.

Денис поднялся и, со злобой глядя на Петю, произнёс:

— Запомни, я тебе этот культ никогда не прощу. — Он обвёл взглядом ребят и добавил: — И вообще, можете без меня обходиться. Трепачи вы все. Языки у вас как помело.

— Так разве это я? — забеспокоился Гоша. — Это же Анка. И штаба теперь всё равно нет.

— «Штаба», — передразнил Денис. — Соображать немножечко нужно.

Он повернулся и с достоинством удалился.

Дядя Сеня с интересом поглядывал на притихших ребят. Невдалеке на малых оборотах тарахтел трактор.

— С характером ваш Денис, — проговорил дядя Сеня. — И парень он, видно, неплохой. А вот дело вы себе придумали, прямо скажем, не ахти какое. Не для ребят это — за жуликами и тунядцами гоняться.

— А я что говорил! — обрадовался Петя. — Я ему всё время говорил. Да он разве кого-нибудь слушает!

— Говорил, это хорошо. А вот драться полез зря.

— А я лез? Он меня первый ударил.

— Первый, второй, — проговорил дядя Сеня, — это ещё разобратся нужно. Можно словом сильнее, чем кулаком, ударить. Вопросы есть?

— Есть! — вскочил Петя. — Вам этот пень не своротить, да?

— Ещё как своротим, — подмигнул дядя Сеня и пошёл к трактору.

Он петлёй накинул на пень стальной трос и прикрепил второй конец к крюку сзади бульдозера. На этот раз пень не устоял. Пень крикнул, заскрипел и, подняв вверх толстые корни, медленно пополз за трактором. Земля над корнями взбухла, трескалась и пластами отваливалась в стороны.

Дядя Сеня отцепил трос, ножом бульдозера свалил пень в яму и разровнял над ним землю. Потом он помахал ребятам рукой и что-то крикнул. Но за грохотом и лязгом металла ничего не было слышно. Трактор развернулся и зашлёпал гусеницами по грязной до-

роге, переваливаясь с ухаба на ухаб, как корабль на крутой волне.

— Точно я говорил, что мне его идеи — вó! — сказал Петя. — Тоже мне рояль с арбузами.

— Хватит тебе со своими арбузами, — рассердилась Анка. — Неужели не надоело?

— Фу ты, ну ты, — сморщил нос Петя.

— Попугай бесхвостый, — сказала Анка.

— А ты графиня хвостатая,

— А ты дурак длинный.

Петя подумал и не ответил. У него почему-то пропало желание ругаться. Он смотрел на одинокую берёзу, которая ещё вчера стояла у штаба. Теперь вокруг берёзы было голо и пусто. Где-то под обломками погиб сверчок, напевавший за печкой свою нескончаемую песенку. А доску, что качалась у потолка, прибить они с Денисом так и не успели.

— Скучно теперь будет берёзке, — тихо проговорила Оля.

Анка тоже смотрела на берёзу и думала о чём-то своём.

Вдалеке, затихая, тарахтел и тарахтел трактор.

(Продолжение следует)

1.

Жил Борька в зоопарке. На клетке было написано, что он — горный козёл. Шерсть на нём длинная, тёплая, серовато-бурая. Ляжет Борька — кажется, не козёл это, а камень лежит. Рога изогнутые, длинные, как сабли. Только толстые очень. Сильный был Борька. Если стукнет рогами по клетке — сразу железный прут согнёт. А прутья — в палец толщиной.

Людам-то хорошо! Отрастут у них ногти — ножницами срезать можно. А козлу плохо: в зоопарке

он по горам не скачет, копыта о камни не стирает, а подрезать их не умеет. Вот и выросли у Борьки копыта большие, как солдатские ботинки. Стоять на них неудобно, — ноги болят. И всё-таки он легко мог вскочить на стенку, перепрыгнуть на другую и снова соскочить на землю. В горах, где он жил, нет дорог, — за каждой травинкой надо по скалам лазать. Горные козлы все очень ловкие. И сердитые. Если на кого-нибудь разозлится козёл, так сразу ударит его рогами, как молотом, — в лепёшку расшибёт. Даже собственного козлёнка не пожалеет.

А козлёнок, Борькин сын, жил рядом. Только в другой клетке. И хорошо, что в другой. Иначе досталось бы ему от Борьки. Этот козлёнок Тэк, непоседа, никому покоя не давал. Все козлы утром ещё только поднимаются, почёсываются, обнюхивают кормушки, а Тэк уже по клетке за мухой носится. На задние ноги вскакивает,

подпрыгивает, чтобы муху лбом боднуть. Да разве муху забодаешь?

Борька долго смотрел на козлёнка и вдруг вскочил. Быстро-быстро пошёл на задних ногах и как грохнул рогами по решётке — вся клетка загудела. И один железный прут согнулся. Бац! И второй

прут прогнулся. Бац! Бац! Бац! Борька бил рогами, как кузнец молотом. И всё в одно и то же место. Между прутьями щель образовалась. Да Борьке в неё не пролезть, — большой слишком. Фыркнул он и отошёл. А козлёнок? Он стоял рядом с козой и смотрел, как Борька бодается. Потом сунул мордочку ей под брюхо и стал сосать вкусное, жирное молоко. Позавтракал, свернулся калачиком на соломе, заснул.

И Борька заснул в своей клетке. Может быть, снились ему белые снега на горных вершинах, чёрные орлы в синем небе, а под ногами бездонные пропасти и тропинки узкие, как ремешок. Никто, кроме горных козлов, по таким не пройдёт. Наверное, приснилось ему обвал. Приснилось, что с высокой горы сыплется, катятся тяжёлые камни. А один камень его по спине ударил. Больно! Борька проснулся. Вскочил. Спина болела. А сверху со стенки на него летел... вы думаете, камень? Нет, — Тэк.

Когда Тэк проснулся, кругом было тихо. Его бородатая мама лизала соль. Козлы любят соль больше, чем люди — мороженое. Борька спал в углу своей клетки. Тэк нашёл конфетную бумажку. Пожевал её, выплюнул. Обнюхал крысиную норку. И вдруг увидел: прутья решётки согнуты, а между ними — щель. Тэк поднял копытце и вошёл к Борьке в клетку.

В это время тётя Дуня несла козлам завтрак: свёклу, веники,

сено. Взглянула и ахнула: «Убьёт ведь, убьёт длиннорогий козлёнка!»

Бросила тётя Дуня козлиный завтрак. Просунула сквозь решётку длинную палку, — давай Тэка выгонять. А он из Борькиной клетки не выходит. Вьётся вокруг палки, то боднёт её, то копытцем ударит. Ну что с ним делать? Скватила тётя Дуня лохматую метлу, шлёпнула Тэка. И перепугала. Он шарахнулся, подпрыгнул до самого потолка, и прямо на спину спящему Борьке. Борька вскочил. Как камень, летел на него козлёнок снова. Борька увернулся, опустил рога и кинулся на Тэка. Коза в соседней клетке заметалась, заблеяла: «Ме-е-е!» — как будто кричала она: «Ко мне-е-е!» Но козлёнку некогда было искать щель. Он мчался, он прыгал, он увёртывался от Борькиных страшных рогов.

Тётя Дуня уже бежала к пожарному крану: «Сейчас водой разгону их!»

Около козлов собрались люди. А Борька загнал Тэка в угол, поднял рога... и стукнул. «Убил!» — закричали все. Но маленький Тэк сжался в комочек и ловко, как белка, проскочил между длинными рогами Борьке на шею, на спину, а оттуда в щель. И к своей маме. Тут уж его никто не тронет. Коза обнюхала, облизала козлёнка и успокоилась.

2.

Но Борька не успокоился. Он бесновался. Он бил решётку рогами, точно рубил её чёрными саблями. Вскидывал задние ноги выше головы. Да вдруг подпрыгнул так, что проткнул рогами железную сетку. И повис. Он висел на сетке и беспомощно барахтался. Казалось, это не старый горный козёл, а котёнок, которого взяли за шиворот. Болтался, как шуба на вешалке. Только шуба эта забавно дрыгала козьими ногами. И люди около клетки смеялись.

Но вот напряжился Борька, брыкнулся, и треснула ржавая

сетка, разорвалась по швам. В потолке большущая дыра сделалась.

И тотчас же в эту дыру выпрыгнул Борька.

Как птица, пролетел он над людьми, над тётей Дуней (она даже присела от страха), над слесарем (он всё ещё хохотал) и выскочил на дорогу. Люди перестали смеяться. Разинув рты, смотрели они Борьке вслед. А он галопом промчался мимо сонных тюленей, перепугал оленей.

Врассыпную бросились женщины. Детей на руки подхватили. Будто это не козёл, а бешеный слон бежит. «Держите его!» — кричали мужчины. Зазевалась продавщица. Борька рогом поддал ящик с мороженым. И раскатились по земле вафельные стаканчики, сахарные трубочки и эскимо в серебряных бумажках. Никто их не подбирал. Все от козла спасались.

Вдруг из-за угла выбежали люди в синих халатах. Это звериные сторожа. В руках у них палки, арканы, сети.

— Вот он! Лови! Окружай!

Мигом растянули они сеть поперёк дорожки. И вот уже некуда деваться козлу: по бокам — клетки с хищными зверями, сзади — сторожа, впереди — высокий забор. А перед забором огромная овчарка. Злющая, наверно. С цепи рвётся, рычит. С Борьки глаз не сводит. И вдруг возле самой собаки Борька смешно присел на задние ноги. Все подумали, что боится. А он как распрямился, как прыгнет! Через собаку, через забор. В город.

3.

Позади Борьки за забором лаяла собака, кричали сторожа. А впереди — горы. Серые, жёлтые, коричневые. Высокие, обрывистые. На них и козлу не забраться. В каждой горе пещеры. Много пещер. В них люди. Они пьют чай, читают книги, готовят обед. Борька никогда не видел домов. И не успел разглядеть их, — на него надвигалось огромное красное чу-

довище. Оно гудело, как тысяча пчёл. Борька отскочил в сторону. И вовремя, а то попал бы под трамвай.

Но тут же на Борьку налетел синий зверь с большими стеклянными глазами. Он толкнул козла в бок, закричал диким голосом, будто его режут, и остановился. Это такси.

Борька бросился бежать. Он делал огромные прыжки. Грязь летела из-под копыт.

Вот сбоку ущелье. Борька кинулся в переулок.

Из зоопарка бежали сторожа. «Где козёл? Где козёл?» — спрашивали они прохожих.

— Вон туда побежал, — показал рукой старичок.

— Только вы его не догоните, он быстрее такси мчится, — сказала толстая женщина.

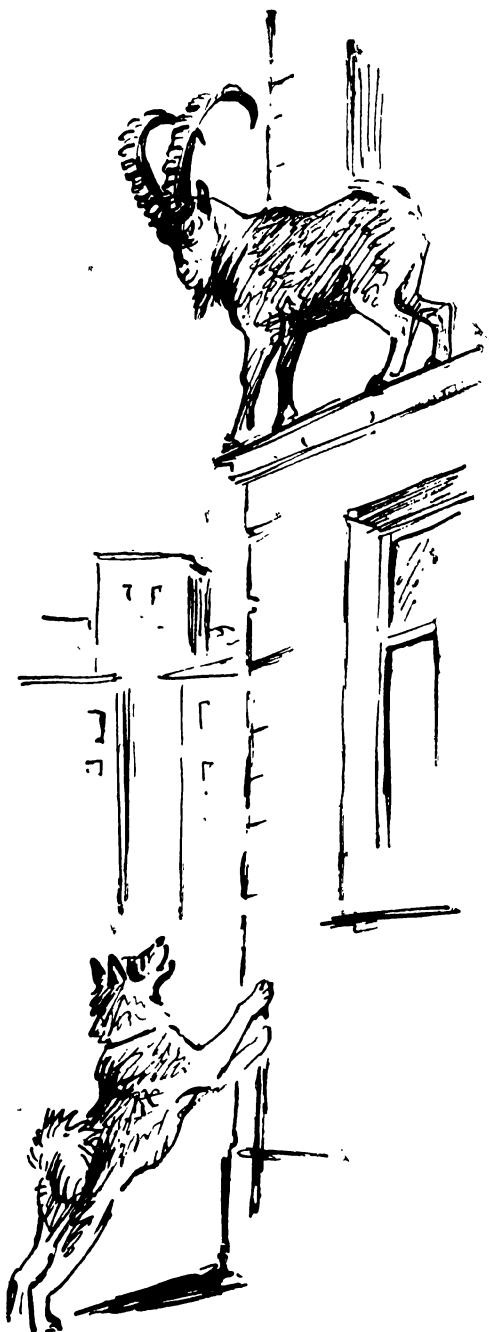
— А правда ведь, не догоним, — согласился сторож. — Только всё равно убежать ему некуда. Пойдёмте, ребята, обратно.

А Борька в это время тихонько брёл по переулку. Его большие копыта шлёпали по камню, как деревянные башмаки. Рогатая голо-

ва покачивалась, как на пружине. Он очень устал.

Вдруг в большом сером доме отворилась дверь, и гурьба школьников выбежала на улицу. «Ребята, смотрите, козёл!» — закричал высокий мальчик в чёрном пальто. И все ребята побежали к Борьке. Но не близко. Они побаивались козла. А Борька их не боялся. Ведь они ему в зоопарке булку давали, зелёную траву в клетку просовывали. Козёл шёл впереди, а ребята сади. Будто провожали.

Стали проходить мимо дома с железными воротами. В воротах показалась девочка. У неё в руках мешок. К мешку привязана рыжая собака. Большая. Она как рванулась — сразу выдернула мешок из девочкиных рук. И бросилась к козлу. Тот шарханул и помчался по переулку.

Большими прыжками гнался пёс за козлом. А козёл сворачивал то в одну, то в другую улицу. И вдруг бежать некуда: улицу пересекла стена. Высокая, как дом. И Борька прыгнул прямо на дом. Все подумали — упадёт. Собака уже зубы оскалила. Приготовилась его схватить. Но козёл не упал. Высоко, там, где второй этаж, вдоль стены сделан карниз. Узенький, как ремешок. И как Борька удержался на нём своими большими копытами, никто не понял. По такому карнизу и кошке опасно ходить. А он спокойно прошёл над головами у ребят. Точно по горной тропинке. Дошёл до угла, и карниз кончился. Что тут делать? Тогда на карнизе, над головами у всех ребят, встал Борька на задние ноги. Не спеша, будто в цирке. Потом повернулся да как грохнет рогами в стекло. И исчез в разбитом окне.

4.

Бумаги, очень важные бумаги лежали на полках, на стульях, на столах, на шкафах. За столами торпливо писали старушки. Звонко щёлкали на счётах молодые женщины. Они аккуратно записывали красивые цифры.

Вдруг в окно как ударило! Фонтаном брызнули стёкла, и в комнату впрыгнул козёл. Все так и ахнули, — очень козла испугались. А он и повернуться ещё не успел, как опрокинулся стол с бумагами. Со стола на бумаги упал графин и со звоном разбился. Размыслись на бумагах чернила, и красивые, аккуратные цифры превратились в большую грязную чляксу. Тут все вскочили, закричали: «Спасайте, спасайте бумаги!» Но как их спасти? Одна храбрая старушка, чтобы прогнать козла, кинула в него счётами, да попала в электрическую лампочку. Лампочка лопнула громко, будто из ружья выстрелили. А козёл выстрелов боялся. У него до сих пор на шее рубец — след охотничьей пули. Со страху прыгнул козёл на стол, на полку, на шкаф. Шкаф с грохотом пова-

лился. Отовсюду бумаги посыпались. Много бумаг. А в окно дунул ветер и завертел, закружил их по комнате. Скачет в бумажной метели перепуганный козёл. Мечутся испуганные люди. Вдруг отворилась дверь. Борька — в дверь. Покатился по лестнице, ударился в новую дверь. Она распахнулась и сразу захлопнулась. Борька оказался в какой-то комнатке.

Комната пустая и маленькая, — в ней козлу повернуться трудно. Это проходная будка. Через неё рабочие на завод проходят. Рядом ещё комната. Там охранник сидит. Если мы придём на завод — он повернёт рычажок, и дверь перед нами закроется. «Пропуск!» — требует охранник. Покажем ему пропуск — он опять повернёт рычажок, и откроется дверь — проходи на завод. А козёл в проходную без пропуска ввалился. Охранник сразу нажал рычажки и запер козла. Посмотрел на него в окошко и снял телефонную трубку:

— Зоопарк! Зоопарк! Приезжайте скорее. Забирайте вашего козла. Да. У нас он. Набезобразничал очень.

Никто пока не трогал козла. И, усталый, он задремал. Голова склонилась на пол, бока медленно поднимались и опускались. Вдруг Борька вздрогнул, — верёвочная петля упала ему на рога. Он мотнул головой, хотел петлю сбросить, да поздно! — она затянулась. Верёвка потащила его к самому окошку. Упирался Борька, брыкался, но из петли не вырваться, нет. Повернул охранник рычажок, дверь отворилась — вошли звериные сторожа. Быстро спутали Борьке ноги. Связали. И понесли его в автомашину.

5.

Живёт в зоопарке горный козёл Борька. Клетка у него, как у льва, — из толстых железных прутьев. И потолок из железных прутьев. Это — чтобы не убежал.

В такой же клетке, напротив,

другой козёл живёт — Так. Рога у него толстые, длинные, но потоньше, чем у Борьки, и покороче. Живут козлы тихо — сено жуют, дремлют, иногда по клетке прогуливаются.

Но бывает — вдруг оба разом вспрыгнут на задние ноги, рога вперёд, да как бросятся друг на друга. Драться хотят. А решётка их не пускает. Бьют они по решётке рогами — грохот на весь зоопарк идёт. Мечутся тогда маленькие олени, попугаи поднимают

крик; даже белые медведи пристушиваются. Но козлы видят только друг друга и бьют по решётке рогами. А потом успокоятся, походят-походят и задремлют по углам. Борька часами смотрит на серый забор. Там, за забором, страна разноцветных скал, глубоких ущелий, страна людей и железных зверей, которые жужжат, как тысяча пчёл, или молча бегут, а после кричат диким голосом.

Побывал Борька в этой стране, только давно это было.

Ник. Кутов

Рис. В. Адаева

ЗВЁЗДЫ

Я мечтаю, я смотрю на звёзды.
Им, наверно, в небе скучно

стало,

Вот они, Земли родные сёстры,
Шлют лучами ей свои сигналы.
Кажется, таят они обиды,
Что не вместе в этот звонкий
вечер.

Встретиться хотят, но их орбиты
Далеки, как тут мечтать

о встрече?

Звёзды-сёстры ждут своих

героев.

Подождите, вы веками ждали!
Люди прилетят к вам, вас

откроют,

Как моря и страны открывали.

Открывали, а теперь рождают
Сами реки, и моря, и звёзды,
От земли всё дальше улетают,
Звёздные отсчитывая вёрсты.

Звёзды мне мигают голубыми
Переливчатыми огоньками,

И они мне кажутся земными,
Сделанными нашими руками.

Рисунки на монетах

СЧАСТЛИВЧИКИ

Было это давно. Однажды учитель географии задал нам начертить по памяти карту северо-западной части Советского Союза. Мы корпели над нелёгким заданием весь пятый и шестой уроки, а когда пришло время сдавать работы, на всякий случай принялись жаловаться: мол, чертить карты — дело сложное, кропотливое, на любителя, в общем, всячески старались обелить допущенные в работе ошибки и неточности...

Учитель посмотрел на нас и вдруг усмехнулся.

— А знаете ли вы, — сказал он, — что самые счастливые из мальчишек, которым когда-либо приходилось чертить карты, находятся в Бразилии?

— Где?! В Бразилии? Почему?

Вместо ответа учитель вытащил из портфеля спичечный коробок и вынул оттуда монету. Монета немедленно пошла по рядам. Это была бразильская монета достоинством в один крузейро.

Вопль зависти к бразильским мальчишкам прошёлся по нашему классу. Конечно же, имея такую монету, очень легко рисовать карты на сплошные пятёрки! Ведь на лицевой стороне монеты чётко и ясно была выита... контурная карта самой Бразилии!

Прав оказался учитель: уж если в чём-то здорово повезло бразильским мальчишкам, то это в том, что они имеют в своём распоряжении такую «шпаргалку»...

ГЕОГРАФИЯ БЕЗ УЧЕБНИКА

Один мой знакомый, впервые увидев коллекцию современных монет, воскликнул удивлённо:

— Да по ним можно изучать географию без учебника!

И хотя он преувеличил, в одном был прав: по рисункам на современных металлических деньгах действительно можно кое-что узнать о стране, выпустившей монету: о её растительном и животном мире, о политическом устройстве, историческом прошлом, о народе и обычаях, о промышленности и сельском хозяйстве.

Давайте для начала и посмотрим, что поведают нам монеты, скажем, о растительном и животном мире северных стран: Норвегии, Финляндии и Гренландии.

Передо мной пять монет. На трёх изображены лось, белка и тетерев, на двух других — ель и полярный медведь.

Когда художники получают от своих правительств заказ — выбрать для рисунков самых что ни на есть «норвежских, гренландских и финских» представителей растительного и животного мира, они, художники, и выбирают: для Нор-

вегии — лося, белку и тетерева; для Гренландии — белого медведя; для страны тысячи озёр — зелёную ель. И ничего, что ель растёт не только в Финляндии, а белка и тетерев водятся и в других местах. Для Норвегии и Финляндии — они самые что ни на есть свои.

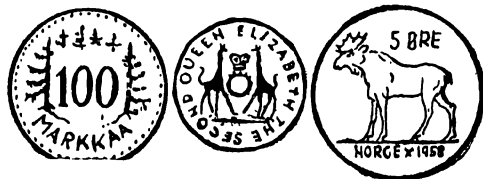
Это стремление изобразить на монетах самых типичных представителей животного и растительного мира относится, конечно, не только к северным странам.

На монетах Австралии, например, изображены «чисто австралийские» кенгуру и меринос; на монетах Новой Зеландии — птицы киви и поэ; на монетах Бирмы — павлин; на японских монетах — хризантема; на ливанских — кедр; на мадагаскарских — буйвол; на сомалийских — слон; а на монетах островов Фиджи — черепаха. Все изображения просто невозможно перечислить (места не хватит!), но есть ещё тут и жирафы, и гепарды, и львы, и кактусы, и орхидеи, не говоря уж о пальмах, антилопах и зайцах, пчёлах, рыбах и петухах. И только, кажется, змеи нет ни на одной монете...

А Ирландия, которая в 1937 году объявила себя республикой, но по сию пору целиком зависит от Англии, в пику англичанам, допускающим на свои монеты кроме изображения королей лишь парусники и кое-какие цветочки, выбила на монетах сразу трёх своих любимцев: лошадь, вальдшнепа и свинью.

Теперь-то прочитав всё это, вы не удивитесь, если встретите вдруг на монетах быстроходный катамаран, курящиеся вулканы, рыбацкие сети, колосья пшеницы, початки кукурузы, яблоки, оливки. Вы сразу догадаетесь, что эти рисунки связаны с жизнью, бытом народа той страны, откуда пришла монета.

Неплохой рассказчик монета? А?

СФИНКСЫ, МАОРИ И СЛОНЫ

З а г а д о ч н ы й сфинкс — это традиционный символ, пришедший из древнего Египта.

Вот почему, когда в 1956 году египетский народ завоевал независимость, на первых республиканских монетах появилось гордое изображение сфинкса.

Британский солдат топтал не только древнюю землю Египта. Его хорошо помнят и коренные жители Новой Зеландии — маори. Они тоже героически отстаивали свою независимость. Борьба продолжалась почти тридцать лет. И хотя англичане завоевали страну, им пришлось пойти на некоторые уступки, в частности — ограничить поток иммигрантов в Новую Зеландию, — маори не хотели оставаться безработными в собственной стране, маленький народ не хотел затеряться среди полчищ иностранцев...

Когда Новая Зеландия получила независимость, на её монетах — в знак памяти о героической борьбе маори с колонизаторами — был изображён коренной житель.

А вот совсем странная шестиугольная монета, на которой выбит довольно грустный слон. И слон, и монета, и сама страна принадлежали Бельгии. Она так и называлась — Бельгийское Конго.

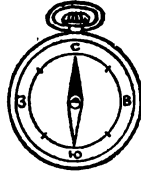
Конечно же, не слоны привлекали колонизаторов в страну, — им были нужны золото, уран и алмазы. И хотя сейчас Конго формально считается независимым, там продолжают хозяйничать иностранные капиталисты. Только бельгийцам пришлось слегка потесниться и пропустить вперёд американский и западногерманский капитал...

Но всё меньше и меньше становится так называемых колониальных монет. Потому что всё меньше и меньше остаётся колоний.

И придёт день, когда последнюю колониальную монету мы сможем увидеть только в музее.

З. ЛАТНИКОВ

ПЁТРЫЕ ЗАМЕТКИ

КТО БЬЕТ СИЛЬНЕЕ?

Футболисты часто спорят между собой — кто сильнее бьёт по мячу? Этот спор решён с помощью научных приборов. После тщательных измерений было установлено, что самый «тихий» удар — у полузащитников. Мяч, посланный ими, летит приблизительно со скоростью 50 километров в час. Защитники бьют сильнее. После их удара кожаный шар развивает скорость до 70 километров в час. Первенство же досталось форвардам. Они направляют мяч в ворота примерно со скоростью 80 километров в час, а у отдельных рекордсменов скорость полёта мяча достигает 100 километров в час.

КАК РОДИЛАСЬ «ЕЛОЧКА»

Песенку «В лесу родилась ёлочка...», наверное, знают многие из вас. Она стала своеобразным гимном праздника новогодней ёлки. Но история её известна немногим.

Текст песенки принадлежит старейшей детской писательнице Раисе Кудашевой. Дочь чиновника Московского почтамта, она с детства писала стихи. Впервые её произведения увидели свет в 1897 году в детском журнале «Малютка».

В 1903 году, накануне рождественских праздников, поэтесса написала стихотворение «Ёлочка». Оно было опубликовано в журна-

ле «Малютка» и подписано инициалами А. Э. В том же году большой любитель музыки Л. Бекман написал музыку к стихотворению Кудашевой, и «Ёлочку» стали петь на новогодних праздниках.

Поэтесса узнала о рождении песенки не сразу. Однажды в поезде две женщины попросили девочку что-нибудь спеть. Девочка запела, и Кудашева, ехавшая в том же купе, узнала свою «Ёлочку».

В 1941 году песня была опубликована в сборнике «Ёлка» с указанием имени Раисы Кудашевой. Сейчас «Ёлочке» уже более шестидесяти лет.

* ~~~~~ *

ОДИН В ОКЕАНЕ!

Почти восемьдесят дней американский журналист Роберт Мэнри провёл в Атлантическом океане в полном одиночестве. Мэнри пересек океан в лодке, длина которой не превышает четырёх метров. Это самое маленькое судно из всех когда-либо переплывших Атлантику. Стартовал Роберт в Фалмуте (штат Массачусетс, США) и финишировал тоже в Фал-

муте, только в Англии. — Плавание в общем проходило нор-

мально, — заявил Мэнри на финише. — Меня шесть раз смывало за борт, однако всё обошлось благополучно, поскольку я был привязан к мачте. Больше всего меня мучило во время плавания одиночество.

Отправляясь в это рискованное путешествие, Мэнри не собирался ставить рекордов. Переплыть Атлантический океан было его заветной мечтой ещё с детских лет.

...учёные, работавшие на одном гидрографическом судне в Атлантическом океане, услышали в морском микрофоне глухой пульсирующий стук? Двойные могучие удары раздавались точно три раза в минуту. Источник таинственных звуков двигался под водой, и скорость его иногда достигала 12 километров в час. Кто же издаёт эти звуки? Акустикам пришлось немало потрудиться, прежде чем они установили, что источник звуков... кит. Сердце кита работает, как мотор мощностью 10 лошадиных сил. И весит оно полтонны. Биение сердца, пульс кита, и улавливали гидрофоны. Долгое время учёные не могли понять, почему эти звуки иногда исчезают, а затем вновь появляются. Выяснилось, что слышать китовый пульс можно только когда исполин обедает, то есть открывает рот и насыщается планктоном. В остальное время десятки тонн китового мяса глушат звуки.

★

...Шекспир очень любил птиц? В его произведениях насчитываются названия 54 пород птиц. Среди пернатых особой любовью великого английского поэта и драматурга пользовался жаворонок.

★

...птица северных морей пыжик, из семейства чистяковых, прячет свои гнёзда вдали от моря? Питается же она рачками и мелкой рыбёшкой. Оказывается, у птицы есть подязычный мешочек объёмом примерно 18 кубических сантиметров. Днём, охотясь за рачками, она складывает их в мешочек и, наполнив его, отправляется домой, к птенцу.

★

...калькуттский служащий Гопал Чатерджи отправился в интересное путешествие? Начал он его в 1958 году, 29-летним юношей, без единой рупии, и жил все эти годы, пользуясь гостеприимством школ и добротой людей. За пять лет Гопал обошёл восточное и западное побережья Индостана, проделав путь в 22 000 миль. За это время он побывал в 10 штатах Индии. Сейчас Чатерджи пришёл в столицу Непала Катманду и думает посетить ещё Кашмир. По возвращении на родину Гопал собирается написать книгу о своём путешествии.

★
...рыбаки Сиануквилля (морской порт Камбоджи), расположенного на берегу Сиамского залива, выловили огромных размеров жесткую черепаху? Её длина — 2 метра 20 сантиметров, вес — 400 килограммов. Редная черепаха хранится в рыбном институте.

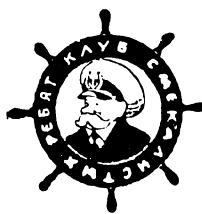
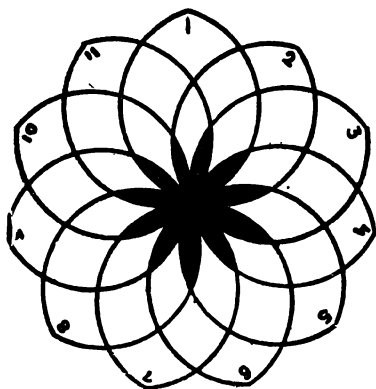
★

...Советский Союз по количеству пчелиных семей занимает первое место в мире? У нас около 11 миллионов ульев — это четвертая часть всего пчелиного населения планеты.

★

...хирургу — лектору ветеринарной школы Кембриджского университета (Англия) Роберту Уокеру пришлось оживать царя зверей — льва? Всё началось с того, что в передвижном цирке «Чипперфилд» заболел двухгодовалый лев Паша. Занемогшего льва доставили в лечебницу при ветеринарной школе, и Уокер приступил к операции под наркозом. Операция проходила хорошо, но вдруг сердце льва перестало биться. Уокер вскрыл грудную клетку льва и стал массировать сердце; 35 минут пришлось работать хирургу, прежде чем лев подал признаки жизни. Сейчас Паша чувствует себя хорошо.

По часовой стрелке: 1. Помещение для стрельбы в цель. 2. Домашнее животное. 3. Титул у тюркских народов. 4. Растение. 5. Часть, доля участия. 6. Пьеса А. Н. Островского. 7. Мягкий белый известняк. 8. Рабочее домашнее животное. 9. Артист. 10. Город на Аляске. 11. Мореходный прибор.

Против часовой стрелки: 1. Отдельная книга в собрании сочинений. 2. Самое крупное млекопитающее. 3. Вокальный ансамбль. 4. Положение в шахматной партии, означающее выигрыш одного из играющих. 5. Бог лесов мифологии древних греков. 6. Раствор смол, употребляемый для придания блеска какому-либо изделию. 7. Русский поэт, автор исторической драмы «Псковитянка». 8. Сила, с которой Земля притягивает к себе тело. 9. Портовое сооружение, защищающее внутренний рейд от волн. 10. Африканская река. 11. Шанцевый инструмент.

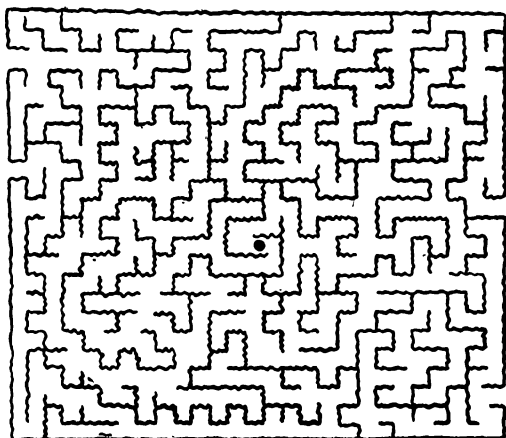
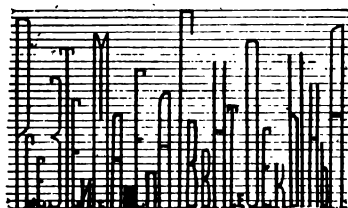
КАК ПРОЧЕСТЬ?

(Составил Серёжа ПЛЮЩЕВ, 328-я школа)

ЛАБИРИНТ

Вот какой интересный лабиринт придумал наш читатель Володя Додонов (станция Мга):

Четыре входа ведут в лабиринт. Каким из них нужно воспользоваться, чтобы добраться до центра — туда, где поставлена точка?

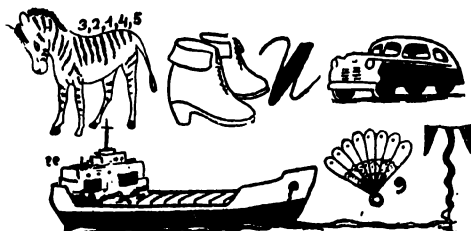

Здесь написана загадка. Разгадать её не так уж трудно, но сперва нужно прочесть.

Сумеете вы это сделать?

РЕБУС

(Составил Лёня РЫБАЛКО, 345-я школа)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Зима пришла. Стихотворение В. Фетисова	1
Трубачи. Рассказ Сергея Давыдова	2
Мороз. Стихотворение Вячеслава Кузнецова	13
Чайный клипер. Рассказ Ильи Дворкина	14
Творчество юных. Стихи юных поэтов литобъединения «Гренада»	26
Удивительные рисунки. Очерк Г. Сперанской	28
Чайник. Стихотворение А. Воронина	29
Пчелиный рейс. Очерк Н. Пилюцкого	30
Как лягушата зайца спасли. Стихотворение В. Царукаева	33
Всё растёт быстрее меня. Стихотворение Н. Слепаковой	34
Дом без чёрного хода. Продолжение повести К. Курбатова	35
Борька. Рассказ Б. Быкова	52
Звёзды. Стихотворение Ник. Кутова	57
Рисунки на монетах. Статья Э. Латникова	58
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «В канун Нового года».

На 2-й странице обложки фотозтюд В. Галактионова «С трамплина».

На 3-й странице обложки «Удивительные рисунки» (текст читайте на 28-й странице).

На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Кого не хватает?»

Редактор **А. А. БЕЛЯКОВА**

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон А 2-87-55

Сдано в набор 18/X 1965 г. Подписано к печати 6/XII 1965 г. 4 печ. л.
М-48222. Заказ № 1584. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Удивительные рисунки

(Текст читайте на 28-й странице)

ну, взгляните-ка! Кто угадает:
! на этой картинке кого не хватает?

